ФАНТАСТИКА И ФЭНТЕЗИ

БК

Лайон
Спрэг де Камп
Флетчер
Прэтт

ДИПЛОМИРОВАННЫЙ ЧАРОДЕЙ

Том 1

«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Лайон Спрэг де Камп

Дипломированный чародей. Том 1

«Азбука»

1940-1975

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Спрэг де Камп Л.

Дипломированный чародей. Том 1 / Л. Спрэг де Камп — «Азбука», 1940-1975 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-35735-8

Знаменитые повести, полюбившиеся миллионам читателей. Один из самых ярких литературных циклов «золотого века американской фантастики». Классика жанра юмористической фэнтези. Что необходимо, чтобы посещать параллельные миры? Сложнейшая футуристическая аппаратура? Гигантские затраты энергии? Овладение секретами могущественной магии? Нет, нет и нет! Все гораздо проще и элегантней. Надо лишь вооружиться законами формальной логики и крепко-накрепко убедить себя в существовании этих миров – таких удивительных, так не похожих друг на друга. Это великое открытие совершил гениальный психолог доктор Чалмерс, а воспользоваться им не преминул его друг и коллега, в борьбе со скукой перепробовавший множество хобби и приобретший репутацию ученого с легким сдвигом в уме. И теперь Гарольду Ши предстоит совершить путешествия в миры «Старшей Эдды», «Неистового Роланда» и «Калевалы», «Царицы фей» Эдмунда Спенсера и «Кубла-хана» Сэмюэла Кольриджа и даже на Марс, в придуманную Эдгаром Райсом Берроузом страну Барсум. Сборник публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-35735-8

© Спрэг де Камп Л., 1940-1975
© Азбука, 1940-1975

Содержание

Трубный рев 7
1 7
2 14
3 17
4 27
5 35
6 42
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Лайон Спрэг де Камп, Флетчер Прэтт
Дипломированный чародей. Том 1

L. Sprague de Camp and Fletcher Pratt
THE ROARING TRUMPET
Copyright © L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt, 1940
THE MATHEMATICS OF MAGIC
Copyright © L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt, 1940
THE CASTLE OF IRON
Copyright © L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt, 1950
THE WALL OF SERPENTS
Copyright © L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt, 1953
THE GREEN MAGICIAN
Copyright © L. Sprague de Camp, Fletcher Pratt, 1954
SIR HAROLD AND THE GNOME KING
Copyright © L. Sprague de Camp, 1990
SIR HAROLD OF ZODANGA
Copyright © L. Sprague de Camp, 1995
FLETCHER AND I
Copyright © L. Sprague de Camp, 1975
All rights reserved

© А. Лактионов, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Трубный рев

1

В комнате находились четверо – трое мужчин и женщина. Мужчины выглядели вполне обычно, да и наряды у двоих из них ничем особо не отличались. Третий, правда, был в бриджах для верховой езды, заправленных в высокие сапоги, и в замшевом пиджаке с подкладкой в шотландскую клетку. Ему же принадлежали чрезвычайно лохматое верблюжье пальто – в таких ходят игроки в поло – и охотничьего вида рыжая шляпа с зеленым пером, брошенные на кресло.

Владелец этого балаганного наряда не был ни киноактером, ни праздным молодым богачом. Занимался он психологией, а звали его Гарольдом Ши. Темноволосый, немного выше и худощавее, чем считается обыденным, он вполне мог выглядеть привлекательным, будь его нос малость покороче, а глаза посажены чуточку шире.

Женщина – то есть, вообще-то, девушка – рыжеватая блондинка, старшая медсестра в клинике Гараден, звалась (чему была не слишком рада) Гертрудой Маглер.

Двое других мужчин тоже занимались психологией и работали вместе с Ши в одной научной группе. Рид Чалмерс, самый старший из троицы, обладатель густой взлохмаченной шевелюры, руководил остальными и в описываемый момент пытался выяснить у Ши, какого дьявола тот вырядился на работу этаким попугаем.

Ши изо всех сил защищался:

– После трудового дня пойду кататься верхом. Честное слово.

– Ты хоть на лошади-то сидел? – справился у него третий, крупный, сонного вида молодой человек по имени Уолтер Байярд.

– Нет, – признался Ши, – но вот и научусь.

Уолтер Байярд фыркнул:

– Сказал бы прямо – мол, надеешься с этими прогулками верхом сойти за картинку из «Эсквайра»[1]. Начиналось все с того нелепого английского прононса, потом ты увлекся фехтованием. Прошлой зимой ты все перепачкал патентованной норвежской лыжной мазью, а на лыжи встал всего дважды.

– И что с того? – огрызнулся Ши.

Тут вмешалась Гертруда Маглер:

– Эй, Гарольд, не давай им спуску.

– Спасибо, Герт.

– Как по мне, ты отлично смотришься.

– Угу. – Ши кисло усмехнулся в знак признательности.

– Но ты зря затеял ездить верхом. Глупость какая-то. Кругом автомобили…

Ши вскинул руку:

– У меня свои причины, Герт.

Гертруда бросила взгляд на наручные часики и поднялась:

– Мне пора на дежурство. Не глупи, Гарольд. И не забудь, что пригласил меня сегодня на ужин.

– Угу.

– Платим пополам.

---

[1] *«Эсквайр»* – американский мужской журнал, основанный в 1933 г. В первые 15 лет своего существования был журналом преимущественно мужской моды.

– Герт! – Ши поморщился.

– Всем пока! – сказала Гертруда и удалилась, шурша накрахмаленным халатом.

Уолтер Байярд хихикнул:

– Раскатал губу, приятель. Бац – и пополам.

– Сколько ни бьюсь, все она норовит обсуждать такие дела прилюдно. – Ши постарался обратить сказанное Гертрудой в шутку. – К тому же получает она побольше моего, так что если хочет свиданок четыре раза пополам, чем два раза за мой счет, то на здоровье. Девчонка она вроде стоящая.

– Зато ты для нее зануда, – ввернул Байярд. – Сам слышал, как она говорила…

– Что, правда? Черт бы ее побрал!

– Не пойму, Гарольд, почему вы продолжаете… гм… водить компанию с девушкой, которая вас так раздражает? – вмешался Чалмерс.

Ши пожал плечами:

– Наверное, она просто из тех, с кем дело явно не зайдет далеко.

– Все ждешь девушку своей мечты? – съязвил Байярд.

Ши снова повел плечами.

– Хватит увиливать, – сказал Байярд. – Видите ли, доктор, она психологически напрыгнула на него уже на первом свидании. А он теперь боится с нею порвать.

– Ничего я не боюсь. – Ши рывком поднялся, и его голос громом раскатился по комнате: – Между нами, Уолтер, это не твое собачье дело…

– Тише, Гарольд, тише, – призвал Чалмерс. – Нет ни малейшего повода обижаться. Кстати, – обеспокоенно добавил он, – вы же довольны своей работой?

Ши снова сел:

– С чего мне быть недовольным? Никто на нас тут не давит, над душой не стоит, спасибо старику Гарадену, что вставил в завещание условие набрать в клинику психологов. Деньжат можно и побольше, конечно, но это вам любой скажет.

– Я о другом, – перебил Чалмерс. – Эти ваши наряды, увлечения и срывы указывают на внутренний конфликт и на разлад с окружением…

Ши ухмыльнулся:

– Пусть будет «подавленная романтичность». Сам придумал термин, уже давно. Ну посудите, Уолт спит и видит себя чемпионом Среднего Запада по теннису. Зачем? Герт пропадает в салонах красоты, хочет стать похожей на падшую русскую графиню, с ее-то внешностью. Тоже романтичность, верно? А мне нравится наряжаться. Ну и что?

– Все верно, – согласился Чалмерс, – но не нужно воспринимать плоды своего воображения чересчур серьезно.

– Придумывать девушек мечты, – вставил Байярд.

Ши смерил его взглядом.

– Все в порядке, – заверил Чалмерс. – Но если вдруг начнете страдать от… гм… приступов депрессии, то обязательно сообщите, хорошо? А теперь – за дело.

– Опять наркоманов проверять? – уточнил Ши.

– Нет, – ответил Чалмерс. – Надо обсудить свежую гипотезу, которая ляжет, надеюсь, в основу новой науки – парафизики. Попробуем выяснить, не пора ли приступать к экспериментальным подтверждениям. Я уже излагал исходное условие – мир, в котором мы живем, складывается из впечатлений, получаемых через органы чувств. Но миров бесконечное множество, и, если настроить наши органы чувств на иные впечатления, мы неопровержимо удостоверимся, что живем в совершенно другом мире. Именно здесь, в клинике, я получил лишнее тому подтверждение, изучая… гм… душевнобольных, в основном параноиков. Это вы, – кивнул он Байярду, – натолкнули меня на такую мысль своим докладом о пациенте с психо-

зом Корсакова[2]. Следующий шаг будет состоять в том, чтобы выяснить, как перемешать предметы и людей из одного мира в другой. У душевнобольных перемещение является частичным и вынужденным, что чревато катастрофическими результатами для психики, однако…

– Минуточку, – прервал его Ши. – Вы хотите сказать, что полный сдвиг в самом деле перенесет человеческое тело из одного мира в другой?

– Очень может быть, – ответил Чалмерс. – Ведь тело запоминает любые ощущения с разрешения разума. Для полной уверенности понадобится, разумеется, натурный эксперимент, и здесь трудно оценить степень риска. В другом мире наверняка действуют другие законы, так что возвращение, скорее всего, окажется невозможным.

– Значит, вы считаете, что среди античных мифов будет действовать греческое волшебство, а не современная физика?

– То-то и оно. Вот только…

– Погодите! – воскликнул Ши. – Тогда выходит, что новая парафизика должна охватывать основные законы всех возможных миров, а то, что мы называем физикой, есть частный случай парафизики?

– Не спешите, молодой человек, – возразил Чалмерс. – Я бы посоветовал сузить наше определение. Парафизика – это отрасль знания, затрагивающая взаимосвязи множества миров, при условии, что те и вправду существуют. Как вы помните, из-за огульного употребления слова «метафизика» оно в свое время сделалось фактическим синонимом слова «философия».

– Которую, – подхватил Ши, – одни понимают как разновидность научного знания, другие – как разновидность знания за пределами науки, а для третьих она ненаучна и вообще не знание.

– Великолепно сказано, – проронил Чалмерс, выуживая из кармана черный блокнотик. – Сам Э. Т. Белл[3] не выразился бы столь емко. Я обязательно включу ваши слова о статусе философии в свою следующую книгу.

– Вот как? – Ши выпрямился на стуле. – А доходами не поделитесь?

– Гарольд, дорогой, пишите собственную книгу. Я настоятельно вам советую, – вежливо улыбнулся Чалмерс.

Байярд усмехнулся:

– Да Гарольд скорее в ковбои подастся. Вот я словесными перлами не разбрасываюсь направо и налево. Я их берегу до той поры, пока не опубликую статью, за которую мне заплатят. Но мы отвлеклись, коллеги. Как вы намерены добиваться сдвига?

Чалмерс нахмурился.

– До этого мы еще дойдем, рано или поздно. Насколько могу судить, метод предполагает наполнение сознания фундаментальными принципами конкретного мироздания. Спросите, каковы эти принципы? На мой взгляд, это принципы научной логики.

– Например? – перебил Ши.

– О, хотя бы тот же принцип зависимости. Любое обстоятельство, в котором наличие известного явления отличается от причины его отсутствия, причинно связано с данным явлением.

– Брр! Звучит ничуть не лучше определения числа у Фреге[4].

Байярд тут же забубнил:

– «Количество объектов в данном классе…»

---

[2] *Психоз* (или синдром) *Корсакова* – разновидность амнезии, обусловленной физическими причинами; свое название получил в честь русского психиатра С. С. Корсакова.

[3] *Белл Эрик Темпл* (1883–1960) – американский математик и писатель-фантаст, автор научно-популярной книги «Творцы математики», получившей широкое признание в том числе из-за простого и емкого стиля изложения.

[4] *Фреге Готлиб* (1848–1925) – немецкий математик, логик и философ, один из пионеров логического счисления понятий и математической логики, дал аналитическое определение числа как понятия.

– Уолтер, помолчи, не то я свихнусь!

– «…является классом всех классов, тождественных данному классу».

– Вы закончили шутить, джентльмены? – спросил Чалмерс. – Тогда я продолжу. Допустим, среди бесконечного множества миров – они существуют, можно признать, в логическом, а не в эмпирическом смысле – имеется тот, в котором правит магия. В таком мире принцип зависимости будет недействителен, зато магические принципы, например закон подобия, станут проявлять себя во всей красе.

– Что за закон подобия? – поинтересовался Байярд.

– Сформулировать его можно приблизительно так: следствие подобно причине. У нас этот закон не действует, но первобытные люди твердо в него верили. Скажем, они не сомневались, что достаточно полить землю водой и произнести нужное заклинание, чтобы пошел настоящий дождь.

– Я и не подозревал, что вы способны назвать принципы магии, – заметил Ши.

– А как же, – с достоинством отозвался Чалмерс. – Те же знахари не просто творят разные фокусы. Они уверены, что следуют законам природы. В мире, где все вокруг твердо верят в эти законы, где все разумы настроены воспринимать соответствующие впечатления, законы магии вполне могут работать. Вы ведь слышали об африканских колдунах-врачевателях? Фрэзер и Сибрук[5] вывели несколько магических законов. Это закон подобия, а также закон соприкосновения, или контагиозности: все, что соприкасалось, продолжает взаимодействовать на расстоянии и после разделения. Как вы…

Ши нетерпеливо щелкнул пальцами:

– Секундочку, доктор. В мире вроде того, о котором вы говорите, законы магии действуют, поскольку в них верят, или люди в них верят, потому что они действуют?

Чалмерс нацепил на лицо улыбку, с которой неизменно сокрушал противников в интеллектуальных спорах.

– Подобный вопрос, Гарольд, по бессмертному выражению Рассела[6], есть лишь бессмысленный шум.

– Бросьте, доктор, – отрезал Ши. – Это любимая увертка современных эпистемологов. Если у них нет ответа на заданный вопрос, они принимаются улыбаться и твердить про бессмысленный шум. А я уверен, что мой вопрос вполне разумен и, следовательно, заслуживает разумного ответа.

– Он лишен смысла, – повторил Чалмерс, – и я с легкостью это докажу. Вы стремитесь построить… гм… концептуальную структуру на абсолютной, а не релятивистской основе. Но к этому мы вернемся чуть позже. А сейчас позвольте продолжить изложение проблемы. Как вам известно, логическую последовательность можно вывести из любого набора предпосылок…

Байярд широко распахнул полуприкрытые глаза и вставил очередное уместное замечание:

– Доктор, сдается мне, что ваша гипотеза ошибочна. По-моему, она допускает и возможность перемещения в будущее. Тогда мы должны постичь законы природы, еще нами не открытые, и изобретения, которые еще не состоялись. Но в будущем наверняка знают о нашей хитрости, значит мы сможем вернуться в настоящее с длинным списком всяких новинок. Перенесенные знания будут предвосхищать будущее, и оно изменится.

– Превосходно, Уолтер, – оценил Чалмерс. – Только, боюсь, вы кое-что упустили. Перемещение в будущее как таковое вполне возможно, однако оно вовсе не обязательно окажется

---

[5] *Фрэзер Джеймс Джордж* (1854–1941) – классик мировой этнографии, автор фундаментального исследования магии и магических ритуалов «Золотая ветвь»; *Сибрук Уильям* (1884–1945) – американский оккультист, исследователь магии и колдовства.

[6] Имеются в виду рассуждения британского философа, математика и логика *Бертрана Рассела* (1872–1970) о бессмысленных высказываниях – грамматически правильных, но лишенных практического значения.

именно нашим будущим, будущим нашего эмпирико-позитивистского мира. Тут потребуется мысленная модель принципов, то есть полный набор понятий определенного физического мира, тех самых понятий, которые и порождаются впечатлениями, воспринимаемыми разумом. А понятия конкретного будущего суть плоды взаимодействия различных факторов, нам неизвестных, в чем и…

– Ясно, – сказал Ши, – модель действительного будущего еще не сложилась, а вот модели для всех прошлых миров наличествуют.

– Вы правы. Скажу больше: перемещение возможно только в те миры, для которых имеется установленная модель. Ничто не мешает, например, проникнуть в любое будущее из произведений Герберта Уэллса, нужно лишь выбрать ряд основных допущений. Но в случае подлинного будущего нам неизвестны такие допущения. При этом умозрительные выводы на основе доступных скудных данных уже уносят нас… гм… в заоблачные дали. Поэтому давайте-ка вернемся в наше родное время и пространство и займемся разработкой конкретной экспериментальной методологии для разрешения парафизических задач. Итак, чтобы освоить способ перемещения из одного мира в другой, придется извлечь из картины некоего мира – того же мира «Илиады», к примеру, – набор основных его принципов и…

– Иными словами, понадобится силлогизмомобиль? – перебил Ши.

На мгновение почудилось, будто Чалмерс раздосадован, но в следующий миг он рассмеялся:

– Умеете вы, Гарольд, словами жонглировать. Не устаю повторять, что вы понапрасну растрачиваете свой талант и не печатаетесь. Впрочем, термин «силлогизмомобиль» годится разве что для внутреннего использования среди сотрудников нашего института. Когда придет время поразить коллег-психологов парафизикой, понадобится определение поприличнее.

* * *

Гарольд Ши лежал на кровати, курил и размышлял. Курил он дорогие английские сигареты – не потому, что высоко их ценил, а потому, что ему полагалось курить что-нибудь этакое, при его-то манере красоваться. А размышлял он о словах Чалмерса.

Разумеется, эксперимент таит в себе опасности, в этом Чалмерс прав. Но самому Ши до отвращения наскучила привычная жизнь. Чалмерс – человек даровитый, но занудливый; если талант и занудство вообще могут сочетаться в человеке, то Рид Чалмерс – наглядный тому образчик. Все трое в их группе значатся исследователями, но на деле двое из них просто собирают факты для доктора-эрудита, который в одиночку анализирует и обобщает.

Можно сколько угодно развлекаться нарядами и прочими выходками, думал Ши, но это всего лишь жалкая замена подлинным интересам. Ему нравились бриджи и сапоги, но вот первый опыт верховой езды обернулся страшными мучениями. В этом опыте не было ничего от упоительного азарта кавалерийской атаки, который Ши отчасти предвкушал. А в итоге приятели и знакомые всего-навсего сочли его чокнутым. Ну и ладно, наплевать.

Будучи по-настоящему неплохим психологом, Гарольд Ши долго обманывать себя не мог. Конечно, ему было не наплевать. Снедаемый желанием произвести впечатление, он четко осознавал, что принадлежит к обыкновенным неудачникам, у которых валится из рук все, за что они ни берутся.

К черту, думал он, хватит себя изводить. Чалмерс говорит, что перемещения возможны. Старый зануда просто боится сделать следующий шаг и опозориться, как в тот раз, когда ему вздумалось провести с институтской уборщицей сеанс психоанализа, а она решила, что ее сватают замуж. Правда, это ошибка в технике, а не в общей теории. В теории-то Чалмерс силен и заранее предвидит возможные угрозы.

Короче, если утверждают, что при помощи некой формулы возможно переместиться в иное время и пространство, значит так оно и есть. Наконец-то убежать – от собственной никчемности, признался себе Ши. Он станет новым Колумбом!

Возбужденный этими мыслями, Гарольд Ши вскочил и принялся мерить шагами комнату. Изучить, скажем, мир «Илиады»… Опасно – можно и не вернуться. Особенно, мрачно подытожил Ши, если окажешься одним из тех воинов-рабов, что тысячами гибли под стенами блистательной Трои.

Что ж, «Илиада» побоку. Тогда славянские сумерки? Не годится, слишком много ведьм-людоедок и волков-оборотней. Вот оно – Ирландия! Точно, Ирландия Кухулина и королевы Медб. Да, там тоже обильно лилась кровь, но ведь какие приключения без опасности для жизни, черт подери? Вдобавок с опасностями вполне можно справиться. Зато какие в Ирландии девушки – прехорошенькие, судя по описаниям!

* * *

Едва ли коллеги Ши заметили какие-либо перемены в его не очень-то регулярной работе. Никто не подозревал, что он давно забросил Хейвлока Эллиса[7] и теперь штудирует саги ульстерского и фенианского циклов[8], приучая разум воображать предстоящее «путешествие». Войди кто-то из коллег внезапно в комнату, где лежал многократно исправленный список с предметами вроде фонарика, пистолета и марганцовки, они наверняка предположили бы, что Ши опять затевает какой-то причудливый поход на природу.

Однако Ши тщательно скрывал свои приготовления и никому не показывал приобретенное снаряжение. «Кольт» тридцать восьмого калибра с большим запасом патронов, охотничий нож из нержавеющей стали – они там, в Ирландии, должны оценить такой металл, – фонарик, коробка спичек, с которой он сойдет у местных за великого чудотворца, записная книжка, гэльский словарь и, наконец, «Настольная книга бойскаута» 1926 года издания, с обилием полезных советов для того, кто намерен пожить на природе среди дикарей.

После утомительного дня, заполненного беседами с невротиками, Ши вернулся домой и плотно поел. Затем облачился в едва ношенный наряд для верховой езды и взгромоздил поверх пальто рюкзак со всем снаряжением. Надел шляпу с зеленым пером и в таком виде уселся за стол. Там, на разложенных листках бумаги, были выведены логические уравнения, испещренные значками-подковами, перевернутыми буквами «Т» и знаками тождества[9].

От одного взгляда на них волосы встали дыбом. Но Ши одернул себя. Вперед, к приключениям и романтике! Он склонился над столом и стал повторять вслух, стараясь не вникать в частности, а охватывать целое:

– Если P равно отрицанию Q, а Q влечет отрицание P, то это означает, что высказывается P или Q, либо ни то ни другое, но не оба одновременно. Но если отрицание P не содержится в отрицании Q, то контримпликативная форма высказывания…

На столе не было ничего, кроме шести листков бумаги. Они лежали двумя аккуратными рядами по три штуки, в полудюйме друг от друга. Между ними должна была бы проглядывать поверхность стола, но ее не было. Не было ничего.

---

[7] *Эллис Хейвлок* (1859–1939) – английский врач, пионер сексологии.

[8] *Ульстерский цикл* – общее название свода ирландских легенд, связанных с провинцией Ульстер (древнее название – Улад); *фенианский цикл* – свод легенд о Финне мак Кумале и его спутниках-фениях, также называется оссиановским по имени барда Ойсина (Оссиана), сына Финна, якобы составившего эти легенды.

[9] Под *«подковой»* имеется в виду символ импликации – логической операции «если… то», похожий на подкову, положенную на бок. *Перевернутая Т* – символ логического противоречия. *Знак тождества* – знак равенства со стрелками на обоих торцах.

– Следовательно, полный вывод заключается в эпихейрематическом силлогизме «Барбара», главная посылка которого не является следствием энтимемы, хотя малая посылка может быть или не быть следствием неаристотелевского сорита…[10]

Листы бумаги оставались на месте, но над шестью белыми прямоугольниками раскручивался водоворот бледных разноцветных бликов. В нем различались все цвета радуги, мимоходом отметил Ши, и ощущалось смещение в фиолетовый. Они кружились и кружились, кружились и кружились… «Если верно P или Q, либо верно выражение (Q или R), тогда либо Q верно, либо выражение (P или R) является ложным…»

Блики кружились и кружились… Ши ничего не слышал, не чувствовал ни тепла, ни холода, не ощущал кресла под собой; повсюду были только мириады кружащихся разноцветных точек.

Но вот вернулись ощущения. Он понял, что замерзает. Послышался и звук, какой-то отдаленный свист, похожий на завывания ветра в печной трубе. Блики перед глазами слились в серое полотно, а ступни как будто почувствовали твердую поверхность. Он выпрямил ноги – ну да, он на чем-то стоит. Все вокруг серое, жутко холодно, а ветер забирается под полы пальто.

Ши посмотрел вниз. Ноги вроде на месте – эй, привет, рад вас видеть! Но почему-то они плотно влипли в желто-бурую жижу, колыхавшуюся волнами. Грязь покрывала дорогу, шириной в каких-то два фута. По обеим краям виднелась чахлая серо-зеленая трава. Тут и там, словно перхоть в волосах, лежали крупные клочья снега. С неба тоже сыпало, и темные пятна снежинок мчались сквозь клубящуюся мглу, падая по длинным параллельным линиям, секли грязную дорогу с едва слышным «Тсс…». То и дело очередная снежинка вонзалась Ши в лицо.

Получилось! Формула сработала!

[10] *Эпихейрематический силлогизм* – это аналитическое умозаключение, состоящее из двух сокращенных рассуждений; *силлогизм «Барбара»* – средневековый модус (форма) силлогизма: «Все животные смертны. Все люди – животные. Значит, все люди смертны»; *энтимема* – в логике сокращенное умозаключение, часть которого подразумевается: «Сократ смертен, потому что он – человек» (подразумевается, что все люди смертны); *сорит* – цепочка взаимосвязанных силлогизмов, подробно описана в «Логике» Аристотеля.

2

– Добро пожаловать в Ирландию, – пробормотал Гарольд Ши и возблагодарил небеса за то, что силлогизмомобиль перенес его сюда в одежде и со всем снаряжением. Хорош бы он был, свалившись в эту стылость в чем мать родила. Серая пелена вокруг состояла из снега и промозглой дымки, отчего видимость не превышала и сотни ярдов. Дорога, то бишь тропа, впереди поворачивала влево, огибая круглый холм, схожий с женской грудью, а на склоне холма грустно раскачивалось под порывами ветра одинокое дерево. Ветки тянулись в одном направлении, словно ветер тут никогда не стихал и дул в одну сторону; на дереве сиро трепетали несколько листочков, таких же серых и унылых, как и местность окрест. Это дерево было единственным, что выделялось среди всей здешней грязи, травы и тумана, и Ши двинулся к нему. Судя по изрезанным очертаниям листвы, это был карликовый северный дуб.

Но ведь тот растет лишь за полярным кругом, подивился Ши. Он наклонился было, желая получше рассмотреть листья, как вдруг от дороги донесся звук, с каким конские копыта чавкают по жидкой грязи.

Он обернулся. Лошадь оказалась крошечной, вылитый пони, косматая, с роскошной гривой вдоль холки. На спине лошадки восседал мужчина – довольно высокого роста, его ноги почти волочились по земле. Он горбился под порывами студеного ветра, задувавшего со спины. Выше седла он кутался в бледно-синюю накидку, лицо пряталось под глубоко нахлобученной бесформенной шляпой, наружу торчала лишь окладистая седая борода.

Ши поспешил вернуться на дорогу и обратился к конному путнику со словами, которые заранее приготовил для первой встречи с человеком из мира ирландских преданий:

– Верхушка утра тебе, добрый человек! Далеко ли до ближайшего питейного заведения?

У него в запасе было еще много слов, однако он умолк, едва всадник приподнял голову и явил взгляду гордое, неулыбчивое лицо и зияющую дыру на месте левого глаза. Ши неловко улыбнулся, собрался с духом и изрек:

– Лютовать у вас нынче декабрь в Ирландии, верно?

Незнакомец поглядел на него с той же врачебной отстраненностью, с какой сам Ши нередко изучал любопытные случаи шизофрении, и низким голосом раздельно произнес:

– Не ведаю ни о питейных, ни об Ирландии. На дворе ныне май, а не декабрь, и стоит Фимбульветр[11].

По хребту Гарольда Ши побежали мурашки, пусть даже последнее слово прозвучало для него бессмыслицей. Издалека донесся едва различимый звук, похожий на вой собаки… или волка. Он замялся в поисках ответа, и тут рядом что-то мелькнуло. Две крупные птицы, точь-в-точь вороны-переростки, плавно скользнули мимо по воздуху, опустились на траву, глянули на него осмысленным взором и вновь взлетели.

– Э… Где же я тогда?

– На крыльях мира, у рубежей Мидгарда!

– Мид… чего? Где это, черт побери?

– Всему на свете установлены место, время и личность. – В низком голосе всадника прозвучало раздражение. – Но нет в нем места безрассудным вопросам и нелепым шуткам!

Всадник отвернулся, показал Ши свое обтянутое синим полотном плечо, цокнул на лошадку и медленно двинулся вперед.

– Постой! – воскликнул Ши, растерявшись от такой отповеди. Пальцы и челюсти сводило от холода арктической пустыни, а этот старикан явно вознамерился уехать, бросив его в оди-

[11] *Фимбульветр* – букв. «Великанья зима», в скандинавской мифологии трехлетняя зима, которая предшествует концу света.

ночестве. Ши сделал шаг и твердо встал перед лошадью. – Да что все это значит? Я вежливо спрашиваю, а меня…

Животное чуть не ткнулось мордой в пальто Ши. Всадник внезапно расправил плечи, и Ши вдруг осознал, что этот человек и вправду очень высок, настоящий великан. Больше он ничего не успел подметить, ибо его буквально приковал к месту, почти физически, сверлящий взгляд единственного глаза. Волна холода обожгла кожу, мозг словно проткнули ледяной иглой. Он, скорее, почувствовал, а не услышал высокомерный вопрос незнакомца:

– Ты смеешь мне перечить, презренный?

При всем желании Ши не мог пошевелить ничем, кроме губ.

– Н-нет, конечно… – пролепетал он. – Я просто хотел узнать, как добраться туда, где тепло…

Единственный глаз, не мигая, взирал на него несколько мгновений, будто проникая в сокровеннейшие мысли. Затем всадник чуть наклонил голову, отчего поля шляпы закрыли лицо, и проронил приглушенно:

– Нынче я заночую в доме вольного Сверре, на Перепутье миров. Ступай за мной!

Ветер приподнял край его накидки, и оттуда, прямиком из полотна, посыпались грудой листья. Один на миг прильнул к пальто Ши. Тот подхватил листок онемевшими пальцами и увидел, что это лист ясеня, живой и свежий, по-весеннему зеленый, – посреди стылой ветреной пустоши, где растут разве что карликовые полярные дубы!

Ши пропустил лошадку мимо себя и поплелся сзади, пряча голову в плечи, подняв воротник и глубоко засунув руки в карманы. Колючие снежинки заставляли щуриться, от мороза мысли едва шевелились, но он постарался с ними совладать. Итак, логические формулы, очевидно, перекинули его в какой-то иной мир. Даже без бурчания седобородого ясно, что это вовсе не Ирландия. Похоже, он изрядно ошибся в расчетах. Может, вернуться и проверить заново? А что проверять? Он же понятия не имеет, что записано на тех шести клочках бумаги. Остается только приноравливаться к обстановке.

Куда его, собственно, занесло? Где так холодно и блекло, где обитают крошечные лохматые лошадки и угрюмые одноглазые старики с пронзающим взором? Уж не мир ли это скандинавских мифов? В них Ши был едва сведущ, знал лишь, что главным заправилой там был некто по имени то ли Один, то ли Воден, то ли Вотан, а другой бог, звавшийся Тором, имел привычку швыряться кувалдой во всех, кто вызывал его неприязнь.

Научная подготовка побуждала сомневаться в возможности встречи с настоящими богами, наделенными сверхчеловеческими силами, и, если уж на то пошло, со всякими легендарными чудовищами. Но странная ледяная игла в мозгу и пригоршня ясеневых листьев настойчиво требовали объяснения. Конечно, головная боль могла быть симптомом начинающейся пневмонии, а старые бородачи просто привыкли таскать груды листьев в карманах, но все же… Огромные черные птицы не отставали, держались рядом, как будто не боялись людей и ничуть не страдали от гнусной погоды.

Смеркалось, однако в серой промозглой пелене было невозможно определить, село солнце или нет. Яростные порывы ветра вынуждали сутулиться, дорожная грязь начинала промерзать, но застыла не до конца и бурыми пятнами липла на ботинки. Ши готов был поклясться, что те весят по тридцать фунтов каждый, а вода вдобавок просачивалась сквозь швы, отчего промокали и носки. Откуда-то слышался диковинный звук, похожий на щелканье кастаньет, и Ши не сразу сообразил, что это стучат его собственные зубы.

Казалось, он бредет днями напролет, хотя наверняка минуло всего несколько часов. Неохотно он вытащил из кармана руку и взглянул на часы. Девять тридцать четыре, чушь какая-то. Ши поднес часы к отмороженному уху. Точно, остановились. Потряс, попробовал завести – без толку.

Спросить, что ли, который час, подумал Ши, но догадался, что спутник и сам знать не знает точного времени. Может, поинтересоваться, долго ли еще идти? Но придется перекрикивать ветер, да и стариковские манеры далеки от любезных.

Вперед и вперед… Снег валил все гуще в уплотнявшихся сумерках. Ши с трудом различал фигуры всадника и лошади перед собой. Дорога под снегом сделалась такой же серой, как и все вокруг. Становилось холоднее, снежинки, сухие и увесистые, жалили и язвили кожу. Порывы ветра раз за разом швыряли в лицо целые сугробы, и Ши зажмуривался, а когда открывал глаза, то понимал, что свернул с тропы и нужно догонять проводника.

Свет… Ши переместил рюкзак на живот и долго шарил внутри, пока не нащупал ледяной корпус фонарика. Кое-как вытащил его из-под прочего барахла и надавил на кнопку. Ничего не произошло. Он потряс фонарик, пощелкал пальцами по стеклу, подергал переключатель – все было напрасно.

Через несколько минут окончательно стемнеет, всадник и лошадь растворятся во мраке. Понравится старикану или нет, но придется все-таки попросить у него позволения подержаться за полу накидки.

Ши уже приготовился подать голос, как походка лошади изменилась, словно животное ощутило близость стойла. Мгновение спустя лошадка припустила рысью, и Ши, спотыкаясь в свежевыпавшем снегу и бранясь, рванулся ей вослед, чтобы не остаться одному. Рюкзак весил как будто не меньше тонны, дышать было так трудно, словно он двигался не по относительно ровной поверхности, а лез в гору под углом в сорок пять градусов.

Посреди унылой серости возникло темное пятно. Старик остановил лошадку и соскользнул с седла. Сквозь снежную мглу проглядывала грубо сколоченная дверь. Одноглазый стукнул по ней кулаком. Дверь приоткрылась, наружу пролегла полоса желтого света, в которой стариковская накидка вдруг предстала небесно-голубой.

– Эй! – прохрипел Ши едва слышно, успев вставив мысок ботинка в закрывавшуюся щель.

Дверь распахнулась вновь. С порога на гостя уставился мужчина в мешковатой домотканой рубахе, лицо которого украшали длинные обвислые усы.

– Чего надо?

– П-позвольте в-войти…

– Ха! – воскликнул хозяин дома. – Давай, заходи. Чего встал, холод напустишь!

3

Ши стоял в чем-то вроде прихожей, блаженно млея от тепла. Помещение было футов шести, не больше. В дальнем конце шкуры, что загораживали проход, раздались, пропуская одноглазого старика внутрь. Вольный Сверре – по всей видимости, это был он – раздернул их шире прежнего.

– Господин, будь как дома, ныне и всегда, – пробормотал он скороговоркой с видом человека, произносящего привычную, дежурную фразу.

Исследователь иных миров нырнул под шкуры и очутился в длинной комнате, отделанной темной древесиной. Прямо в полу горел огонь, обложенный камнями в очаге высотой по колено. Вокруг виднелись несколько столов и скамей. Ши мельком углядел оружие на стенах: огромный меч, величиной чуть ли не с гостя, дюжина то ли копий, то ли дротиков, от изящных наконечников которых отражались рдяные сполохи развешанных по стенам факелов; рядом висел щит, похожий очертаниями на бумажного змея и украшенный затейливым узором.

Разглядеть подробнее не удалось – Сверре подхватил его под руку и повлек дальше, выкликая:

– Од! Хальгерда! Этот чужак совсем замерз! Готовьте парилку! А ты, незнакомец, иди за мной.

Проход привел в комнату поменьше, и там усатый велел гостю:

– Скидывай свои мокрые тряпки! Какие-то они странные, право слово! В жизни не видал столько пуговиц и застежек. Если ты из сынов Муспелля[12], то могу приютить тебя на ночь. Но уже завтра нагрянут сюда те, кто пожелает встретить не рукопожатием, а мечом! – Он пристально посмотрел на Ши. – Так ты из Муспелльсхейма?

– С чего вы взяли? – сварливо проворчал Ши.

– Одет легко и забрался так далеко на север… Тем, кто охотится на рыжего медведя, – Сверре повел рукой, будто рисуя в воздухе рогатину, – нужны отважное сердце и теплый кров!

Он снова вперил в гостя взгляд, словно пытаясь вызнать некую тайну.

– На дворе же май, верно? – спросил Ши. – Живете вы, конечно, на дальнем севере, но ведь эта холодина когда-нибудь кончится?

Сверре недоуменно повел плечами:

– Да кто ж его разберет-то? Люди говорят, что настала зима Фимбульветр. Коли так, значит, тепла не жди, покуда не протрубит рог и сыновья Волка не двинутся с востока в урочный час.

Ши и сам не прочь был порасспрашивать хозяина, однако Сверре угрюмо отвернулся. Тогда Ши стащил с себя промокшее белье – и тут заметил, что хозяин подобрал с пола его наручные часы.

– Это часы, – дружелюбно пояснил Ши.

– Знак власти? – Над окладистой бородой Сверре расплылась понимающая улыбка, и хозяин хлопнул себя по колену. – Вон оно что! Как я сразу-то не догадался! Ты же пришел со Странником, выходит, ты из тех южных колдунов…

Он извлек откуда-то одеяло и заботливо обернул голого Ши.

– Туда иди! – распорядился он, указывая рукой.

Спустя пару дверей Ши очутился в крошечной комнатушке, где было не продохнуть от дыма; Ши отчаянно закашлялся и принялся было тереть глаза, но вовремя спохватился и вцепился в край одеяла – у двери стояли две девушки, ничуть не похожие на тех ирландских

[12] *Муспелль* – в верованиях скандинавов великан-йотун, живое пламя, владыка мира Муспелльсхейм, населенного огненными великанами («сыновьями Муспелля»).

красоток, которых он успел навоображать. Светловолосые, румяные и пухленькие, они живо напомнили разочарованному Ши Гертруду Маглер.

Сверре представил девиц:

– Это моя дочка Од. Щитоносица, полярных медведей руками давит! – Ши оценил мускулатуру крепкой девушки и молча согласился с хозяином. – А это Хальгерда. Ну все, отмокай, вода согрелась.

Посреди комнатушки жарко пылал огонь – в яме в полу. Сверху громоздились камни, каждый величиной с картофелину. Рядом стояли две деревянные бадьи, полные воды.

Девушки вышли, прикрыв за собой дверь. Ши почему-то казалось, будто он уже не раз проделывал что-то подобное («Должно быть, автоматическая настройка разума на этот мир», – сказал он себе), решительно поднял одну из бадей и одним движением выплеснул воду на камни, затем взялся за вторую бадью. Зашипело, комнатушка заполнилась клубами горячего пара.

Ши держался столько, сколько смог вытерпеть (около минуты), после чего на ощупь добрался до двери и, глотая воздух, вывалился наружу. Тотчас на него обрушился поток ледяной воды. Покуда он сдавленно кряхтел, размахивая руками, новый поток ударил прямиком в грудь.

– Хва!.. Хватит! Перестаньте! – выдавил он.

Откуда-то из водяной мглы донеслось девичье хихиканье. Лишь проморгавшись, Ши сообразил, что это дочери Сверре его окатили и что он стоит перед ними нагишом, без спасительного одеяла.

Первым позывом было метнуться обратно в парилку, но одна из девушек протянула ему полотенце, которое следовало принять хотя бы из вежливости. Тут появился и Сверре, с кружкой в руках. Что ж, подумалось Ши, раз у них такие порядки, к чему стесняться? Вдобавок после первого потрясения стыд словно сам собою испарился. Ши спокойно вытерся, и Сверре сунул ему кружку. Своим патологическим равнодушием к наготе Ши дочери вольного переплюнули даже Гертруду.

– Горячая медовуха! – пояснил хозяин. – У вас на юге такой не делают. Од, подай гостю одеяло! Не хватало ему простыть!

Ши отхлебнул медовухи. По вкусу та смахивала на эль, подслащенный медом. Тягучая и приторная жидкость было встала комом в горле, но Ши куда сильнее опасался потерять лицо перед хозяевами, чем задохнуться. Медовуха наконец провалилась в желудок и после первого глотка перестала казаться противной. Он вновь ощутил себя человеком.

– Назовись, незнакомец, – попросил Сверре.

Ши ненадолго задумался. У этих людей наверняка нет фамилий, так что достаточно будет одного имени.

– Гарольд.

– Как-как?

Ши повторил, чуть ли не по слогам.

– А-а, – обрадовался Сверре. – Харальд.

Из его уст имя прозвучало почти как слово «харя».

Полностью одетый, но босой, Ши занял место на скамье по мановению руки Сверре. В ожидании еды он поглядывал по сторонам. Рядом расположился рыжеволосый и рыжебородый верзила среднего возраста, облик которого заставил Ши вспомнить загадочную фразу Сверре насчет рыжего медведя. Из-под кроваво-красного плаща выглядывал шитый золотом пояс. За верзилой сидел другой рыжий, чуть посветлее, тонкий в кости, с лисьей физиономией и живым взором («а глазки-то так и бегают»). Дальше пристроился светловолосый юнец с золотистым пушком на щеках, приблизительно одного роста и одной стати с Ши.

В середине скамьи от пола до потолка вздымались два толстых, богато украшенных резьбой деревянных столба, поставленные так близко к столу, что они как бы отгораживали это место от соседних. Там восседал тот одноглазый и седобородый старик, который привел Ши сюда. Бесформенная шляпа лежала перед ним на столе, а сам он, опираясь на столб, беседовал еще с одним светловолосым верзилой, добродушным на вид здоровяком; правда, сейчас его приятное лицо явно омрачала тревога. По соседству стояли пустые ножны, под стать тому мечу, который Ши разглядел на стене.

Скользя взором по лицам за столом, исследователь иных миров перехватил взгляд стройного юноши. Тот кивнул ему и, обогнув стол, обаятельно улыбнулся.

– Не возражаешь против соседа? – спросил он. – Как сказано в «Речах Высокого»[13]:

Хорошему другу
что только хочешь
правдиво поведай[14].

Эти строки он произнес нараспев, выделяя голосом аллитерацию, отчего старинный стих звучал удивительное притягательно.

– Близится срок, – продолжал юноша, – и мне будет на пользу поговорить с обычным человеком. Не стыжусь признаться, что мне страшно. Я зовусь Тьяльви.

– Харальд, – назвался Ши, наученный знакомством со Сверре.

– Тебя ведь Странник привел? Ты из иноземных колдунов?

Ши уже второй раз обвиняли в таком происхождении.

– Да я понятия не имею, кто такие колдуны, честное слово! – воскликнул он. – А Странника вашего знать не знаю. Я просто заблудился и пошел за ним, а с тех пор все пытаюсь сообразить, куда это я попал?

Тьяльви расхохотался и основательно отхлебнул медовухи. Ши покосился на него, гадая, чем сумел настолько рассмешить собеседника, и юноша не замедлил объясниться:

– Не обижайся, друг Харальд! Просто забавно слышать, что кто-то заблудился на Перепутье миров… Ха-ха-ха! В жизни ничего смешнее не слышал!

– Где мы, говоришь?

– На Перепутье миров! Ты, верно, совсем из дальних краев явился, раз не догадался. Да еще времечко выбрал – когда Они все в сборе. – Тьяльви мотнул головой в сторону четырех бородачей. – На твоем месте я бы помалкивал, что у тебя нет силы. Как там, в «Речах Высокого»:

Умом пред людьми
похваляться не надо —
скрывать его стоит.

Боюсь, тебе несдобровать, когда начнется заваруха; разве что заручишься опекой одного из Них. Хотя, покуда они считают тебя колдуном, Дядюшка Лис поможет. – Он указал пальцем на бородатого человечка с острыми чертами лица. – Или ты у нас герой? Я бы тогда пристроил тебя к Рыжебородому в назначенный срок…

– Какой срок? Слушай, растолкуй, что все это… – начал было Ши, но тут появилась Од с еще одной девушкой. Они внесли нагруженные едой деревянные блюда.

---

[13] *«Речи Высокого»* (Одина) – одна из мифологических песней «Старшей Эдды».

[14] Здесь и далее перевод А. Корсуна.

– Привет, сестрицы мои! – жизнерадостно гаркнул Тьяльви, пытаясь ухватить с блюда ломоть потолще. Вторая девушка – Ши раньше ее не видел – ловко пнула его по голени и поставила еду перед незваным гостем.

На блюде лежали куски мяса и большая хлебная лепешка, будто отрезанная от стеганого одеяла. Ни ножей, ни вилок, ни овощей не наблюдалось. До столового серебра они здесь еще не доросли, уныло подумал Ши, отломил кусок лепешки и осторожно надкусил. На вкус хлеб оказался куда лучше, чем выглядел, и Ши отважился попробовать мясо – оказывается, подали вареную свинину, неплохо приготовленную и хорошо вытомленную. Ши потянулся было за вторым куском, но вдруг заметил, что щитоносица Од по-прежнему стоит рядом.

Когда он повернулся к ней, девушка поклонилась и быстро проговорила:

– Господин, эти яства и все, что есть в нашем доме, к твоим услугам. Мы повинуемся. Угодно ли тебе чего другого?

Ши помедлил с ответом, понимая, что эти слова – всего-навсего дань вежливости и ему следует похвалить хозяйскую стряпню. Однако крепкая медовуха на пустой желудок сделала свое дело. В нем неожиданно проснулись повадки типичного американца.

– Гм… Если не возражаете, я не отказался бы от овощей.

На мгновение Од с Тьяльви безмолвно уставились на него. Затем они внезапно зашлись в хохоте, Од даже пришлось опереться на стену, а Тьяльви и вовсе уронил голову на руки. Ши, красный от стыда, смущенно заморгал, держа в руке недоеденный кусок мяса. Краем глаза он уловил, что четверо бородачей косятся на него с дальнего края стола, но не придал тому значения. Тут рыжеволосый верзила прогремел:

– Хороша шутка, коли отпрыски людские смеются в присутствии асов! Тьяльви, поведай-ка нам, отчего твое сердце наполнилось весельем?

Тьяльви кое-как ухитрился выдохнуть между приступами хохота:

– Этот… этот колдун Харальд просит репу!

Его смех мгновенно потонул в громоподобном хохоте Рыжебородого, который откинулся назад и проревел:

– Хо-хо-хо-хо! Харальд Репа! Ха-ха-ха!

Подобное урагану веселье постепенно затронуло всех его соседей, даже Странника в синей накидке. Когда же они подуспокоились, Ши повернулся к Тьяльви.

– Что смешного-то? – спросил он негромко. – В конце концов…

– Ты нашел свое имя, Харальд Репа. Сдается мне, под знамя Рыжебородого тебе уже не встать. Кому нужен герой, поедающий репу? Мы в Асгарде кормим репой свиней.

– Но позволь…

– Раньше надо было думать. Теперь вся твоя надежда – на Дядюшку Лиса. А мне спасибо скажи, что я назвал тебя колдуном. Вдобавок ему по нраву хорошие шутки, он вообще единственный из них с чувством юмора. Но репа… Ха! Не слыхал ничего забавнее с тех пор, как великанша сваталась к Метателю Молота![15]

Совершенно сбитый с толку, Ши с досады хотел потребовать объяснений. Но не успел он подобрать слова, как в дверь громко застучали. Сверре впустил в дом высокого светловолосого мужчину, бледного и безбородого. Гордое лицо, за спиной громадный золотой рог.

– Еще один из Них, – прошептал Тьяльви. – Это Хеймдалль. Неужто все двенадцать заявятся сегодня?

– Кто такие Они, черт подери?

– Ш-ш!

[15] Согласно «Младшей Эдде», эту великаншу звали Ярнсаксой и и она родила Тору сына Магни.

* * *

Бородачи приветливо кивнули вошедшему. Тот изящно присел на скамью рядом со Странником и немедля принялся что-то ему рассказывать. Старик слушал очень внимательно и кивал. Ши сумел разобрать несколько слов:

– …огненных лошадей, но нет смысла говорить, покуда тут Горевестник сидит. – Припозднившийся гость презрительно мотнул головой в сторону Дядюшки Лиса.

Тот проговорил, слегка повысив голос и обращаясь почему-то к рыжебородому, словно в продолжение начатого разговора:

– Часто бывает, что лжецы отравляют слух, когда рядом те, кто ведает истину…

– А еще бывает, – отозвался Хеймдалль, глядя Дядюшке Лису в глаза, – что приходится держать речь, хотя слова твои наверняка станут известны врагам по воле Зловредного…

Дядюшка Лис ответил, не поворачиваясь к Хеймдаллю:

– А бывает, что те, кто ничтожен, норовят поносить и бранить достойных мужей.

– Лжец и вор! – выкрикнул Хеймдалль и грохнул кулаком по столу. От ярости он даже оскалился, и Ши с удивлением заметил, что зубы у него золотые.

– Эгей! – пророкотал рыжебородый предостерегающе. – Умерьте свой гнев, асы, на вас глядят смертные!

– Заодно пусть уймет свой норов, – огрызнулся Дядюшка Лис, – тот, кто сыплет оскорблениями…

– Оскорбления лживы, – ответил Хеймдалль. – Я перечисляю факты.

– Да неужто? Какие такие факты извергают твои болтливые уста? Мол, у тебя девять матерей? Вечно похваляешься своим рогом и тем великим гулом, который он издает! Смотри, как бы мыши в нем не завелись, тогда он только пищать сможет!

– Ты услышишь мой рог, когда придет срок, Отец Лжи! И его звук тебе не понравится.

– По-моему, пора браться за меч.

– Так давай! Вот клинок, который мигом порубит твою вонючую тушу!

– Слушай, ты…

Лис с Хеймдаллем вскочили и взялись крыть друг друга по-черному, и от их воплей у Ши голова пошла кругом. Трое остальных бородачей тоже поднялись и принялись орать, а две черные птицы, спутницы Странника, кружили у них над головами, истошно крича.

Казалось, что двое спорщиков вот-вот вцепятся один другому в глотки, но тут рыжий верзила схватил низкорослого рыжего за плечи и силой усадил на скамью.

– Сиди! – громыхнул он.

Странник же – голосом, преисполненным достоинства, – зычно гаркнул:

– Стыдитесь! Нас совсем уважать перестанут! Умолкните сей же миг, оба!

– Но!.. – возопил было Хеймдалль.

Движением руки Странник заставил его замолчать.

– Что бы ты ни сказал, тебя не услышат. Если кто из вас до ночи голос подаст, я сильно разгневаюсь.

Хеймдалль притих, отошел в дальний угол и оттуда стал буравить взглядом Лиса, который смотрел в ответ не менее свирепо.

Тьяльви прошептал ошеломленному Ши:

– Всякий раз одно и то же, как соберутся втроем или вчетвером. Они вроде как должны подавать пример благородства, а ведут себя как ватага пьяных берсерков.

– Да кто эти Они?

– Ты что, и вправду не знаешь? – Глаза Тьяльви выражали полнейшее изумление, достойное деревенского увальня. – Ну и дела. Ни за что бы не поверил, не попроси ты репы. С Хейм-

даллем сцепился Локи. Рыжий здоровяк рядом – это Тор. Старик, или Странник, – Один. А толстый – Фрейр. Теперь вник?

Ши пристально посмотрел на Тьяльви, но не разглядел в лице собеседника и намека на насмешку. Чушь… То ли формула перенесла его в какой-то нелепый сон, то ли над ним все-таки потешаются. Или он видит пятерых скандинавских вождей, которым отчего-то вздумалось назваться именами богов старинного северного пантеона? Последняя версия – что это действительно боги – выглядела слишком уж дикой для серьезного размышления. Хотя птицы, взгляд Странника, испытанный на себе… Одина всегда изображали одноглазым… Между тем рыжий верзила – будто бы Тор – встал и пошел к тем двоим, кого Тьяльви назвал Одином и Фрейром. Они пошептались, собравшись в кружок, а по завершении разговора Один поднялся, нахлобучил свою бесформенную шляпу, завернулся в синюю накидку, быстренько глотнул медовухи и широким шагом вышел за дверь.

Едва та захлопнулась, Локи с Хеймдаллем повскакали было со своих мест, но Тор с Фрейром тут же их остановили:

– Хватит! Сыны Асгарда, поберегите свои удары до назначенного срока! Не то вам придется подраться со мной! – Тор усмехнулся и показал кулак величиной с окорок.

Спорщики притихли.

– Спать пора. Идем, Локи. И ты, Тьяльви.

Юноша неохотно встал.

– Утром замолвлю за тебя словечко перед Дядюшкой Лисом, – шепнул он на прощание. – Вообще, трудиться на асов не слишком-то весело. Больно они вспыльчивые, но все же лучше с ними, чем без них, особенно накануне срока. Недаром скальд Ульв говорит:

Кликнул – вмиг в одеждах
Рать к вождю под стяги
Ратных собиралась![16]

– Спокойной ночи.

Ши нисколько не хотелось работать колдуном на Локи, что бы это ни означало. Было в этом существе что-то скользкое и неприятное. Вот Хеймдалль, честный и благородный, куда привлекательнее, пусть с чувством юмора у него туговато.

За дверьми стукнули, высунулась голова Сверре, оглядела комнату и снова пропала. Пышнотелые юные красотки тоже сгинули, прихватив с собой деревянные блюда с едой. Дом определенно готовился ко сну, а вот Ши ощущал себя вполне бодрым – времени-то от силы девять вечера. Впрочем, в мире без искусственного света, с одними факелами, явно ложатся и встают по солнцу. Неужели и он, размышлял Ши, поддастся этой дурацкой привычке? Не исключено; разве что он сумеет вернуться обратно. Мысль была не из веселых. Черт возьми, он знал, чем рискует. Он, конечно, не ожидал очутиться именно здесь, но у человека двадцатого столетия есть свои хитрости, сулящие кое-какие преимущества. Так что беспокоиться станем, когда…

– Эй, Репа! – неожиданно позвал из своего угла Хеймдалль. – Наполни-ка пару кружек и тащи сюда!

Этот приказ заставил Ши вскинуться от негодования. Правда, этот Хеймдалль, кем бы он ни был, смотрелся внушительно. Тон повелительный, спору нет, но в голосе явственно звучало добродушие. Пришлось подчиниться.

– Садись, – сказал Хеймдалль. – Тебя вроде Харальдом кличут, верно?

---

[16] Авторы приписывают «скальду Ульву» слова средневекового поэта Арнора Скальда Ярлов. Цит. по: Сага о Магнусе Добром // Круг земной. М., 1984. Перевод О. Смирницкой.

– Да. А тебя Хеймдаллем, как мне сказали?

– Воистину. Еще я известен как Бдящий, Сын Девяти Матерей, Дитя Гнева и Светлейший. Предпочитаю именно эти прозвища.

– Послушай, Хеймдалль, что все это…

– Людские отпрыски должны меня титуловать или звать господином, – строго и даже несколько напыщенно произнес Хеймдалль.

– Прости, господин.

Хеймдалль опустил свой длинный нос и соизволил улыбнуться, сверкнув золотыми зубами.

– Прощаю, ибо я зовусь также Друг Людей. А вот владыка Асгарда не одобряет эдакого панибратства.

– Это Один который?

– Он самый.

– Тот старикан… Уф… тот пожилой господин с одним глазом?

– Ты просто кладезь мудрости!

– Вчера я столкнулся с ним на пустоши, и он привел меня сюда.

– Это мне ведомо. Я вас видел.

– Вот как? Где же ты был?

– Далеко на востоке. Слыхал я твои слова. Повезло тебе, что не упал замертво.

Ши едва не ляпнул: «Заливай больше!» – но вспомнил пронзительный, леденящий взор Одина – и прикусил язык. Не нужно лезть на рожон, пока не узнаешь больше о местных порядках, о правилах и физических законах этого мира, в который ему довелось попасть. Хеймдалль смотрел на него с ехидной улыбкой.

– Я слышал, как ты признался Тьяльви, что никакой не колдун. Дескать, знать не знаешь, кто это. Издалека ты, верно, – он снова улыбнулся, когда лицо Ши отразило озабоченность, – однако вряд ли кого это заботит. Я тебя не выдам. Приятно подшутить над Хозяином Лжи, ха-ха-ха! – Хеймдалль отпил из кружки. – Ладно, дитя невежественной матери, давай проверим, сведущ ли ты в неведомом. Позабавимся игрой в вопросы и ответы. Зададим друг дружке по семь вопросов, и кто ответит лучше, тот победит. Спрашивай, смертный!

Семь вопросов. Ши поразмыслил, прикидывая, как добыть побольше полезных сведений.

– Куда ушел Один? – спросил он наконец.

– Раз, – отметил Хеймдалль, – он ушел к вратам Ада, чтобы призвать из могилы женщину, почившую много веков назад.

– К вратам Ада, я не ослышался? – переспросил Ши.

– Речи мои не подлежат сомнению.

– Хорошо, хорошо. – Следовало скрывать смущение и растерянность. С этим человеком… богом… фигурой точно будет труднее, чем с теми психопатами, с которыми Ши выпадало беседовать. Он собрался с мыслями для следующей попытки.

– А зачем Один туда пошел?

– Два, – посчитал Хеймдалль. – Близится срок. Бальдру суждена гибель, асам нужен совет. Странник считает, что провидица, похороненная у врат Ада, расскажет нам, что делать.

Ши уже надоело выслушивать эти намеки о приближении какого-то срока.

– Что значит «близится срок»?

– Три. Грядет Рагнарёк, это известно всем. Кроме тебя, невежда, чьи глаза застило росой!

– Что еще за Рагнарёк?

– Четыре. Конец света, младенец в обличье взрослого мужа.

Ши начал злиться. Ему надоела эта дурацкая игра в загадки, а Хеймдалль поступил несправедливо, засчитывав за вопрос обычную просьбу пояснить незнакомое слово. С дру-

гой стороны, в Гарадене он привык выслушивать бессмысленные реплики душевнобольных, а потому сумел совладать с собой.

– Когда это произойдет?

– Пять. Ни людям, ни богам, ни ванам, ни даже цвергам не дано этого знать. Но скоро. Наступила зима Фимбульветр, зима посреди лета, предвещающая Рагнарёк.

– Значит, будет битва. Кто победит?

Ши похвалил себя за этот вопрос, который обещал сведения об участниках событий и о результатах.

– Шесть. Боги и люди были бы рады ответу, отрок, ведь нам предстоит биться плечом к плечу с племенем великанов. Сейчас могу сказать только то, что нас ждет тяжкое испытание. Мы владеем четырьмя могучими орудиями – это копье Одина Гунгнир, молот Тора, зовущийся Мьёлльниром, меч Фрейра, волшебный клинок Проклятье Хундинга, и, конечно, мой собственный добрый меч, именуемый Хофуд, Голова. – Он похлопал по рукояти меча, висевшего на поясе. – Но кто-то из великанов – неведомо, кто и как – похитил великий молот и меч Фрейра. Если они не найдутся, людям и богам сообща придется испить чашу смерти.

Ши слегка поддался панике – ведь мир, о гибели которого столь безмятежно повествовал Хеймдалль, является тем самым миром, где физически обитает некто по имени Гарольд Ши. Выходит, он вынужден подчиняться произволу последовательности событий, которой невозможно избежать!

– Что мне делать, чтобы во все это не влипнуть? – Догадавшись, что собеседник удивился, Ши пояснил: – Раз уж мир рухнет, как мне спастись?

Брови Хеймдалля приподнялись.

– Близится Рагнарёк, и даже боги не ведают, как его предотвратить! А ты, человечий отпрыск, гадаешь, как спасти свою шкуру? Нет для тебя ответа. Это был седьмой вопрос, теперь моя очередь спрашивать.

– Но…

– Сын земли, не утомляй меня… – Хеймдалль посмотрел Ши в глаза, и вновь появилось ощущение проникающей в мозг ледяной иглы. Впрочем, голос Хеймдалля звучал мягко. – В каком из девяти миров родился ты, о незнакомец из незнакомцев? Одеяний, подобных твоим, я не видывал прежде.

Ши задумался. Глупый вопрос. Все равно что спрашивать: «Ты перестал колотить свою жену?»

Он осторожно переспросил:

– Это какие девять миров?

Хеймдалль хохотнул:

– Ха! Моя же очередь задавать вопросы. Ну да ладно, слушай. Есть обитель богов, или Асгард, первый мир. Есть обители великанов – Йотунхейм, Муспелльсхейм, Нифльхель, а еще Хель, или Ад; уже пять получается. Дальше Альвхейм, где живут цверги; Свартальвхейм и Ванахейм – мы их не слишком хорошо знаем, хотя, говорят, ваны встанут заодно с нами, когда наступит срок. А девятый мир – Мидгард, полный червей вроде тебя.

Ши зевнул. Медовуха и тепло начинали сказываться.

– Сказать по правде, я не принадлежу ни к одному из этих миров. Я пришел из-за пределов вашей системы.

– Странный ответ, но в чем-то внятный, ибо может быть правдой, – задумчиво произнес Хеймдалль. – С этого места на скамье я могу видеть все Девять миров, но нигде нет существ, подобных тебе. Не рассказывай о том асам, в особенности Страннику. Он плохо воспримет весть, что есть мир, где он не властен. А сейчас настала пора второго вопроса. Какие народы или боги правят твоим миром?

Ши не сдержал очередной зевок. Он слишком устал для развернутых объяснений, а потому решил уйти от прямого ответа.

– Ну, кто-то скажет, что правит один класс или другой, а подлинные властители – это регулировщики движения. Как вцепятся…

– Они вроде крабов?

– Нет, не совсем. Они вцепляются, когда двигаешься слишком быстро, а крабы – когда слишком медленно.

– Значит, морские боги, как мой брат Эгир. В чем их сила?

Ши потерпел поражение в схватке с новым зевком.

– Простите, я, кажется, засыпаю, – пробормотал он, – Не пора ли нам ложиться, Светлейший?

– Спать? Ха-ха! Редко встретишь такого невежду на Перепутье миров! Я – страж богов и никогда не сплю! Меня еще кличут Неспящим. Но с тобою, отрок, как я погляжу, все иначе. Раз я выиграл, ступай себе.

Объявление о чужой победе заставило было Ши вскинуться, но он опять вспомнил ледяной пронизывающий взгляд и промолчал. Однако Хеймдалль как будто прочитал его мысли.

– Спорить со мною вздумал, что ли? Марш в постель, и не забудь о нашем маленьком заговоре против Сеятеля Раздоров. Отныне ты, Харальд Репа, отважный и искусный колдун!

Ши отважился на последний вопрос:

– Прошу, растолкуй, господин, кто такой колдун?

– Ох! Что ж, дитя иных миров, невежество твое выше гор и глубже самых глубоких колодцев! Да будет тебе известно, колдун – это чародей, он плетет заклинания и вызывает духов. Спокойной ночи, Харальд Репа.

Спальня за сдвижной дверью оказалась каморкой не просторнее купе в поезде, а еще в ней не было вентиляции. Из тюфяка торчала солома, нещадно коловшая бока, и Ши никак не мог устроиться удобно. Проворочавшись около часа, он понял – это было, в общем-то, не удивительно после столь насыщенного событиями дня, – что вновь полностью взбодрился.

Мысли беспорядочно разбегались в разные стороны, но потом он счел, что ради эксперимента стоит потратить часы бессонницы на анализ достигнутого. Итак, что мы имеем?

Во-первых, налицо ошибка либо в уравнениях, либо в способе их применения, отчего он и переместился в мир скандинавской мифологии… или скандинавской истории. Пожалуй, мифология выглядит правдоподобнее.

Все убежденно предрекают грядущий Рагнарёк, и Ши, будучи неплохим психологом, мог подтвердить, что новые знакомые говорят искренне. А ледяной взгляд, которым его одарили Один и Хеймдалль, вряд ли попадает в набор человеческих возможностей. Конечно, нельзя исключать гипноз, но Ши сомневался в том, что техника и сама идея гипнотического внушения были доступны вождям древних викингов. Нет, эти существа явно обладают сверхчеловеческим могуществом.

Правда, человеческих качеств у них тоже в достатке, и специалисту в экспериментальной психологии не составит труда провести анализ и сформулировать результаты. Начнем с Одина. Он, видите ли, ушел к вратам преисподней – и пусть себе, Ши за ним гнаться не собирался. Про него сказать особо нечего – просто очень властный.

А что насчет Локи? Острый как бритва язык, признак острого ума, но и коварства в нем достаточно. Тьяльви назвал его Дядюшка Лис, говорит, любит пошутить. Наверняка шуточки у него еще те, злокозненные. Работать на такого затруднительно, однако Ши с улыбкой пообещал себе, что обязательно изумит бога обыкновенной спичкой.

На Фрейра он почти не обратил внимания, здоровяк Тор – эдакий добродушный забияка, а Тьяльви – простой деревенский малый, в любой глухомани таких пруд пруди, цитирует Эдду вместо Библии.

Вот Хеймдалль – орешек явно покрепче. Ему, конечно, недостает чувства юмора, зато он уверен, что может взирать на остальных свысока – пристрастие к титулам-прозвищам служит тому подтверждением. При всем этом он готов брать на себя необходимые обязанности, в лепешку расшибется ради успеха, хоть и себе на уме, как Локи, только тот больно увертлив. Наверное, потому-то он и ненавидит Локи так сильно. А еще под маской высокомерия у Хеймдалля таятся ростки истинной доброты. На такого можно положиться… Умиротворенный мыслью, что Хеймдалль ему нравится больше всех, Ши повернулся на бок и заснул.

4

Ши проснулся с ощущением, что между зубами застрял мех; голова раскалывалась, внутри черепа словно расположился кузнечный цех. То ли медовуха виновата, то ли пронзительные взоры Одина с Хеймдаллем – поди разберись. На всякий случай он дал себе похмельный зарок впредь избегать того и другого.

Дверь спальни сдвинулась, и стали слышны голоса из общей комнаты. Когда Ши вошел, Тор, Локи и Тьяльви уже завтракали, пальцами и ножами разрывая на части куски мяса размером с академический словарь. Лисолицый Локи радостно воскликнул:

– Здрав будь, герой овощных полей! Не побрезгуй, о великий, откушать вместе с нами!

Он подтолкнул к Ши деревянное блюдо с мясом и одну из многочисленных кружек. В горле было сухо, и Ши жадно отхлебнул, но чуть не подавился – в кружке оказалось кислющее пиво.

Локи захохотал:

– Забавно видеть, как дети людские, у которых нет стойких обычаев, начинают беспокоиться, когда что-то вокруг меняется. Что ж, Харальд Репа, дошло до меня, что ты – могучий колдун…

– Мне известна парочка фокусов… – Ши тоскливо уставился на свое блюдо.

– Настоящему герою положено быть скромным. Только вот что скажу я тебе: человеку придется плохо в Рагнарёк, если он не отыщет подходящее место. Ты намерен примкнуть ко мне, когда настанет срок?

Ши поперхнулся. Он до сих пор сомневался в этой истории насчет великой битвы и конца света, но можно, конечно, просто плыть по течению, а там поглядим.

– Благодарю, господин, я согласен.

– Ба, червяк милостиво согласился лететь на спине у орла. Спасибо тебе, великодушный червячок. Тогда слушай, что нужно делать. Поедешь с нами в Йотунхейм, и поездка, уж поверь, будет не из легких.

Ши припомнил вчерашний разговор с Хеймдаллем.

– Это не там ли обитает часть великанов?

– Верно. Инеистые великаны. Лживый Неспящий твердит, что слышал из их замка странные звуки, будто кто-то стучит молотом Тора. Нам нужно отыскать это оружие. Но понадобятся все наши силы и способности к волшебству, если только ты, досточтимый Пожиратель Репы, не справишься с этой задачей без нашей помощи.

Ши опять поперхнулся. Значит, придется ехать? Приключения разнообразят жизнь, конечно, но всему есть разумный предел… «Что такое приключение? – пришло ему на ум некогда прочитанное. – Когда забираешься к черту на рога и вляпываешься в какую-нибудь чертовски неприятную историю». Вот только…

Тьяльви между тем обогнул стол и сказал негромко:

– Слушай, моя сестра Ресква остается на Перепутье – наш Убийца великанов считает, что в Йотунхейме женщине делать нечего. Получается, я буду совсем один среди этих асов. Поедем вместе, век буду благодарен!

– Хорошо, – согласился Ши и тут же пожалел об этом. Не доведет порывистость до добра. Уж если Локи с Тором не уверены, что смогут добыть молот и зовут человека в помощники, то ясно, что потрудиться предстоит хорошенько. Зато у асов нет спичек и револьвера; пусть пробуют своей магией, а он потом все уладит собственными средствами.

– Я переговорил с владыкой Козлиной колесницы, – продолжал Тьяльви, – он рад, что ты будешь с нами, но очень просил, чтобы ты его не позорил и не требовал репу к еде. Советую

подумать над нарядом, твоя одежка не годится для здешней погоды. У вольного Сверре одолжи чего потеплее.

Сверре охотно принял в залог неуместное пальто и бриджи для верховой езды и выдал взамен довольно мешковатое северное платье. Облаченный как положено в этих краях, Ши вышел из дома. Над ослепительно-белым свежевыпавшим снегом тускло сверкало унылое солнце. Стужа начала покусывать нос, и Ши возблагодарил те ярды грубой шерсти, в которые он укутался.

Козлиная колесница поджидала – огромная, как фургон покорителей Дикого Запада, но всего на двух колесах. На позолоченных ободах чернели выпуклые рунические знаки, а сама колесница была броско раскрашена в алое с золотом. Сильнее всего в глаза бросались козлы – один черный, другой белый, громадные, как лошади.

– Вот Скрежещущий Зубами, – пояснил Тьяльви, тыча пальцем в ближайшего козла, – а вот Скрипящий Зубами, – указал он на дальнего, черного. – Кстати, друг Харальд, помоги погрузить шмотки.

Не подозревая, о чем идет речь, Ши проследовал за Тьяльви в дом Сверре, и его спутник показал на здоровенный дубовый сундук. Внутри, по его объяснению, хранилось имущество асов. Тьяльви приподнял свой край за медную ручку. Ожидая, что сундук окажется легким, Ши взялся с другой стороны, но сундук остался на месте. Ши взглянул на Тьяльви: тот преспокойно держал свой край без всяких видимых усилий. Изо всех сил, обеими руками он дернул ручку вверх – треклятый сундук набили, похоже, свинцовыми чушками. Тьяльви повел к двери; Ши, кряхтя и спотыкаясь, заковылял следом. Он едва не сорвался на крик – мол, пошевеливайся, приятель, – а пальцы так и норовили соскользнуть с ручки, и лишь желание не ударить в грязь лицом заставляло продолжать движение. Когда добрались до колесницы, Ши уронил сундук на снег и чуть было сам не лег рядом. Ледяной ветер обжигал легкие, покуда он жадно хватал ртом воздух.

– Ладно, – произнес Тьяльви, – подержи вот тут, и мы его закинем внутрь.

Ши заставил свое непослушное тело сделать шаг. Вдвоем они завели один край сундука на колесницу, а потом ухитрились как-то затолкать его целиком. Ши не без смущения осознал, что Тьяльви проделал три четверти работы, но увалень этого как будто не заметил.

Когда погрузка завершилась, Ши оперся на оглоблю, ожидая, пока перестанет бешено стучать сердце, прекратит ходить ходуном грудь и утихнет боль в руках.

– Вы только поглядите! Тьяльви убедил помочь другого смертного! Ловок ты, Тьяльви, что сказать.

Это был Локи, Дядюшка Лис, с язвительными, по обыкновению, словами. Ши снова ощутил раздражение. При чем тут Тьяльви? С другой стороны, могло и вправду показаться, будто Тьяльви уговорил его ехать с собой, чтобы спихнуть часть грязной работы. Если… Так, секундочку… Вдруг вспомнилось одно из прозвищ Локи – Сеятель Раздоров, потом пришли на ум предостережения Тьяльви насчет его шуточек. С Дядюшки Лиса станется стравить между собой двух смертных забавы ради. Ну уж нет, он не пойдет на поводу у коварного бога.

Тут кто-то потянул его за накидку, и Ши резко обернулся. Скрипящий Зубами ухватился за край накидки и не думал отпускать. Ши с невнятным возгласом замахал руками, пытаясь вырваться. Но огромный козел только мотал головой и продолжал тянуть, а Локи, уперев руки в бока, заливался хохотом, совершенно не пытаясь помочь человеку. Хорошо, подбежал Тьяльви, и вдвоем они кое-как справились: ткань треснула, смертные покатились по снегу, а Скрипящий Зубами с достоинством сжевал оторванный кусок и отодвинулся.

Ши хмуро поднялся и повернулся к лиловому от смеха Локи.

– Послушай-ка, ты, – воинственно начал он, – что, черт подери, смешного?..

Тьяльви немедля обхватил его за плечи и поволок в сторону, словно ребенка.

– Заткнись, олух! – яростно зашипел он в ухо Ши. – Он же тебя одним взглядом испепелит!

– Но…

– Заткнись, говорю! Это же боги! Что бы они ни вытворяли, даже пикнуть не смей, иначе тебе хана. Так заведено.

– Ладно, – проворчал Ши; что поделать, деревенские во все времена любили повторять «так заведено». Рано или поздно он с этим хохотуном Локи поквитается.

– На козлов тоже поглядывай, – посоветовал Тьяльви. – Они, заразы, жрут что ни попадя. Помню, седмицы две назад такую потеху устроили. Мы нашли на пустоши пять трупов – позамерзали люди. Я хотел их забрать, пусть родичи похоронят по обычаю. Тор согласился – мол, твое дело. Привезли сюда, а Сверре, значит, заупрямился, не захотел в дом впускать – дескать, растают, все провоняют. В общем, сложили тела во дворе, как дрова. На следующее утро, не поверишь, козлы до них добрались и всех сожрали! Одни пряжки остались!

Тьяльви хихикнул. Ши прилагал усилия, чтобы переварить этот образчик северного юмора. Над двором раскатился зычный крик:

– Эгей, смертные!

Тор взобрался на повозку и цыкнул на козлов; та со скрипом сдвинулась с места.

– Скорей! – крикнул Тьяльви и вприпрыжку кинулся за колесницей. Догнал и заскочил внутрь одним длинным прыжком, прежде чем Ши успел сделать хотя бы шаг. Пришлось бежать следом за набиравшей скорость повозкой. Ши примерился было прыгнуть, но онемевшие от стужи пальцы сорвались с борта, и он лицом повалился в снег. Послышался гнусный смешок Локи. Вставая на ноги, Ши с горечью напомнил себе, что отправлялся в это путешествие, желая избавиться от ощущения собственной незначительности и неприспособленности к жизни…

Он снова припустил за колесницей. Тьяльви ухватил его за шиворот, втащил наверх и стряхнул снег с одежды.

– В другой раз, – проворчал он, – хватайся крепче за край перед прыжком. Помнишь «Речи Высокого»?

Лучше живым быть,
нежели мертвым;
живой – наживает.

Тор, стоявший впереди, что-то гаркнул козлам, и те перешли с рыси на галоп. Ши ухватился за борт: а у повозки-то нет, оказывается, рессор. Но вскоре он приноровился к тряске, чуть сгибая ноги в коленях на очередной кочке.

Локи с ухмылкой подался к нему:

– Ну как, Харальд Репка? Повеселимся? – Ши нерешительно улыбнулся. Держался Дядюшка Лис, конечно, дружелюбно, однако вполне мог замышлять какую-нибудь пакость. Лис между тем беззаботно продолжал: – Веселись, пока можешь. У великанов не забалуешь! Помню, был один колдун, Биргером звали. Наложил он заклятье на одного великана, и тот вместо девушки женился на козе. Так великан вспорол Биргеру брюхо, привязал кишки к стволу и стал гонять его вокруг дерева. Смешно, верно?

История вызвала лишь отвращение, а колесница продолжала стремительно мчаться вперед, подбрасывая седоков на каждой кочке. Вверх – вниз – бум, вверх – вниз – бум. Ши начал сожалеть о съеденном завтраке.

Тьяльви участливо спросил:

– Друг Харальд, ты чего вдруг позеленел? Может, проголодался?

Отчаянное сражение с желудком ради последней крупицы уважения на этих словах обернулось не в пользу Ши. Он перегнулся за борт колесницы.

Локи засмеялся. Тор обернулся и заглушил его смех громовым хохотом.

– Хо-хо! Эй, Харальд Репа, испачкаешь мою колесницу – сам будешь чистить! – В голосе Тора сквозила нотка добродушного презрения, коловшая больнее ехидных смешков Локи.

К счастью, судороги в желудке наконец прекратились, и Ши тяжело опустился на сундук, мечтая о скорой смерти. Потом пересилил себя – все равно сидеть было неудобно, – снова встал и вымученно улыбнулся:

– Все прошло. Просто я не привык к такой скачке.

Тор вновь повернул к нему голову и громыхнул:

– Думаешь, это быстро, попрыгунчик? Показать тебе подлинную прыть? Гляди!

Он свистнул козлам, и те вытянули шеи и буквально воспарили над землей. Казалось, что колесница летит по воздуху, порой с громовым треском ударяясь о пригорки и снова взлетая. Ши мертвой хваткой вцепился в борт, чтобы не вылететь от случайного удара. Похоже, скорость – от шестидесяти до семидесяти миль в час. Для современного автомобиля на бетонной дороге не то чтобы много, но для двухколесной повозки без рессор, скачущей по ухабам, хватит за глаза.

– Эгей! Эгегей! – вопил Тор, упиваясь ездой. – Держитесь! Впереди поворот! – Козлы не стали замедлять бег, наоборот, наддали, и колесницу почти завалило набок. Ши крепко зажмурился. – Йо-о-и-и!

Безумная скачка длилась минут десять, а потом Тьяльви предложил перекусить. Ши с изумлением осознал, что и вправду проголодался. Однако при виде нарезанных пластами кусков, похожих на опаленную кожу, голод его пошел на попятную.

– Уп!.. Что это?

– Копченый лосось, – пояснил Тьяльви. – Суй прямо в рот, вот так, откусывай и глотай. Ты глотать-то умеешь?

Ши попробовал. Он и знать не знал, что рыба может быть такой жесткой. Но на вкус лосось оказался восхитительным. Когда буду возвращаться, подумал он, стоит прихватить с собой немного. Если получится вернуться…

Постепенно становилось теплее, к вечеру из-под колес веером полетела жидкая грязь. Тор громовым рыком велел козлам остановиться. Повозка замерла в ложбине среди низких серых холмов; там, где растаял снег, виднелись темные пятна травы. В самой ложбине торчали редкие унылые елки, почти черные в сумерках.

– Привал, – распорядился Тор. – Будь у нас огонь, отведали бы сейчас жаркого из козлятины!

– О чем это он? – прошептал Ши на ухо Тьяльви.

– Это волшебство Громовержца! Он убивает Скрипящего Зубами или Скрежещущего Зубами, но съесть можно все, кроме шкуры и костей. А наутро он возвращает козла к жизни.

Тем временем Локи вещал Тору:

– Враг Змея, сомнения гложут меня: подействуют ли мои огненные чары в краях великанов? Может, молнией ударишь?

– Я могу устрашать и убивать, но не добыть мне огня в этой сырости, – пророкотал Тор. – А что твой новый колдун? Пусть потрудится.

Ши нащупал в кармане спички. На месте и сухие. Что ж, настал его час!

– Какой пустяк, – небрежно бросил он. – Развести огонь? Да как пальцами щелкнуть, слово даю.

Тор посмотрел на него с подозрением.

– Слабаки клясться горазды, – задумчиво произнес он. – Сам я всегда считал лишь мужество и силу достоинствами настоящего мужа. Но братья мои порой думают иначе, и ты, быть может, хвастаешь не впустую.

– Хозяин Мьёлльнира, ты забыл еще об уме и хитрости, – вставил Локи. – Даже твой молот бесполезен, если не знать, куда бить. Может, этот чужак и впрямь покажет нам что-нибудь новенькое. Предлагаю состязание! Мы двое против колдуна. Первый, кто разведет костер, бьет любого из двух оставшихся.

– Эй! – возмутился Ши. – Если Тор мне врежет, придется вам искать нового колдуна.

– Этого товара в избытке, – ухмыльнулся Локи, потирая ладони.

Ши догадывался, что коварный бог отыщет забавное даже на похоронах собственной матери, но на сей раз Локи не повезло. Ши усмехнулся в ответ, и ему показалось, что в глазках Дядюшки Лиса мелькнула искорка одобрения.

Вдвоем с Тьяльви протоптали в грязи тропу до деревьев поблизости. Ши вытащил нож, якобы из нержавеющей стали; на лезвии виднелась россыпь пятен ржавчины. Но это не помешало ему срубить несколько веток и свалить их на свободную от снега землю, конечно, влажную – когда бы ей высохнуть?

– Кто первый? – уточнил Ши.

– Хватит дурака корчить! – осек его Тьяльви. – Рыжебородый, вестимо.

Тор приблизился к куче веток и вытянул руки. Вспыхнуло синеватое свечение разряда, с кончиков пальцев бога посыпались с треском на ветки яркие электрические искры. Ветви дрогнули, нам ними заклубился пар. Тор сосредоточенно нахмурился. Снова затрещали искры, но огня не было.

– Слишком сырое дерево, – прорычал Тор. – Твой черед испытать силу, Хитроумный.

Локи тоже вытянул руки и что-то прошептал – очень тихо, Ши ничего не расслышал. В ладонях его вспыхнуло розовато-фиолетовое сияние, заплясавшее среди веток. Диковинные сполохи выхватили из сумрака соломенно-рыжую бородку Локи, высокие скулы и брови вразлет. Картина получилась пугающей. Лис почти беззвучно шевелил губами. Ветви шипели, но не загорались.

Локи отступил. Лиловое сияние угасло.

– Целая ночь понадобится, – буркнул он. – Поглядим, на что способен наш колдун.

Ши собрал несколько прутьев, насухо вытер их об одежду и составил индейским шалашиком. Конечно, сыроваты, но смолы в них как будто достаточно, чтобы они загорелись сразу.

– Смотрите же! – изрек он громогласно. – Вот подлинное волшебство.

Ши пошарил внутри коробка со спичками и отыскал несколько обычных кухонных. Три товарища, затаив дыхание, наблюдали, как он вынимает спичку и чиркает ею о коробок.

Ничего не произошло.

Он попробовал снова. Тщетно. Ши выбросил спичку и попытался зажечь новую – опять безуспешно. Вытащил еще одну, потом еще и еще. Попробовал зажечь две спички одновременно. Выбросил кухонные, достал непромокаемые. Результат был ничуть не лучше. По совершенно непонятной причине спички отказывались зажигаться.

Ши распрямился.

– Увы, что-то испортилось, – сообщил он. – Погодите, я загляну в свою магическую книгу.

Еще было достаточно светло, чтобы читать без огня. Ши достал «Настольную книгу бойскаута». Наверняка там найдется полезный совет – если не про спички, то хотя бы про добывание огня трением.

Он открыл книгу наугад, недоверчиво моргнул, потряс головой и снова взглянул на страницу. В сумраке черные печатные значки на листах бумаги – составлявшие, должно быть, предложения – складывались в какую-то белиберду. Некоторые выглядели отдаленно знакомыми, но привычных слов не наблюдалось. Ши лихорадочно перелистал всю книгу. Везде одно и то же, будто следы куриных лап на снегу. А редкие схемы выглядели полнейшей бессмыслицей без пояснительного текста.

Гарольд Ши замер с открытым ртом, нисколько не понимая, что ему делать дальше.

– Что ж, – громыхнул Тор, – где же колдовской огонь?

За спиной захихикал Локи:

– Верно, он предпочитает репу сырой.

– Я… очень сожалею, господин, – промямлил Ши, – но, боюсь, у меня ничего не выходит.

Тор воздел массивный кулак.

– Вот и настало время, – возгласил он, – покончить со лживым и немощным отпрыском людским, посмевшим пробудить наши чаяния, а после их низвергнуть, обрекая нас на холодного лосося…

– Стой, Сокрушитель Великанов, – вмешался Локи, – придержи свою могучую длань! Он ведь нас веселит, а это всегда кстати в сих печальных краях. Может, там, куда мы держим путь, я сыщу ему применение.

Тор медленно опустил руку:

– Сам тогда о нем заботься. По нраву мне род людской, но лжецов я презираю. Я говорю то, что делаю, и никак иначе.

– Господин, – встрял Тьяльви и показал пальцем на горловину ложбины, – там что-то виднеется. Может, это укрытие?

Тор согласно рыкнул. Все опять взобрались на колесницу и покатили в направлении смутных очертаний. Ши помалкивал, погруженный в самые черные мысли. Он бросил должность исследователя в Гараденском институте ради Путешествия с большой буквы. Бежал оттуда, где чувствовал себя слабым и зажатым. А теперь, сказал он себе с горечью, очутился там, где все им помыкают почем зря. Знать бы, почему его усилия оказались тщетными. Почему не зажигались спички? Откуда в книге эта тарабарщина? Почему не загорелся фонарик прошлой ночью?

Тьяльви зашептал:

– Клянусь бородой Одина, мне стыдно за тебя, друг Харальд! Зачем было обещать огонь, если ты все равно не смог его разжечь?

– Думал, что сумею, – угрюмо отозвался Ши.

– Ага. Ты изрядно разгневал Громовержца. Благодари Дядюшку Лиса – он спас тебе жизнь. Я всегда говорил, он не так плох, как о нем думают. Когда и впрямь туго становится, всем помогает.

Темное пятно постепенно приобрело очертания домика чрезвычайно странного вида: крыша закругленная, вместо передней стены пустота. Внутри Ши с удивлением сообразил, что вогнутые стены, пол и низкий сводчатый потолок сделаны из материала, очень похожего на обычный линолеум. В доме, похоже, имелась всего одна комната – большая, без окон и обстановки. В дальнем ее конце смутно различались круглые отверстия, неведомо куда ведущие. Изучать их не стали.

Ши с Тьяльви стащили с колесницы тяжеленный сундук и выудили из него одеяла. На ужин все четверо мрачно жевали копченого лосося. Брови Тора при этом двигались столь выразительно, что сомнений не оставалось: бог едва сдерживает праведный гнев.

Наконец подал голос Локи:

– Кстати, пришло мне на ум, славный сын Йорд, что наш колдун-неумеха не слыхал историю о твоей рыбалке.

– История небезызвестна, – оживился Тор. – Но людям полезно выслушать ее, дабы извлечь урок на будущее.

– Один нас сохрани! – пробормотал Тьяльви. – Да я уже миллион раз ее слышал!

Тор зарокотал:

– Гостил я однажды у великана Хрюмира. Вышли мы с ним далеко в море. На крючок насадил я цельную бычью голову, ибо рассчитывал изловить рыбу, достойную доблестного мужа. При первой же поклевке уразумел я, что попалась мне величайшая рыбина из возможных, сам Змей Мидгарда, обладатель могучей силы. Три кита вместе не смогли бы тянуть с

такой мощью. Девять часов играл я со Змеем, ворочая его туда и сюда, покуда не подтащил близко. Когда голова его показалась над бортом, стал он плеваться ядом, и яд тот прожигал насквозь мои одежды. Глаза его были размером со щиты, а зубы вот такие. – Бог раскинул руки, наглядно показывая длину зубов. – Тащил я, и пояс силы был мне в помощь, а ноги мои чуть не проломили дно лодки. Что ж, я почти справился, когда, слово мое в том порукой, этот болван Хрюмир струсил и перерезал лесу! Попалась самая крупная добыча, положенная рыбаку, – и сбежала! – Тор печально вздохнул. – Поколотил я Хрюмира так, что нескоро он забудет. Но взбучка не вернет мне ту добычу, какую хотел я повесить на стене Трудванга![17]

Тьяльви наклонился к Ши и тихонько произнес нараспев:

…воины будут
улов обсуждать,
у белых рыб
отрывая головы:
дохлыми станут
в недолгое время,
перед рассветом
люди съедят их[18].

По крайней мере, так говорится в «Драпе об Атли»[19].

Локи закудахтал, явно разобрав шепот:

– Верно, отрок, верно! Расскажи эту историю кто другой, а не наш друг и великий защитник, я бы ни за что не поверил.

– Сомневаться смеешь? – взревел Тор. – Испытать захотел мою руку? – Он занес кулак. Локи увернулся, а Тор рассмеялся – раскатисто и добродушно. – Боги и смертные заодно сомненью подвергают байки рыбацкие и женскую добродетель.

Он завернулся в одеяло, пару раз глубоко вздохнул и моментально захрапел. Локи и Тьяльви тоже притихли.

Не в состоянии заснуть, Ши мысленно перебирал события дня. Чего лукавить, он выступил отвратительно. Это сильно расстраивало, ведь ему начинали нравиться эти ребята, даже буйный и неприступный Тор. Здоровяк явно из тех, на кого всегда можно положиться, особенно там, где требуется действовать очертя голову. Добро и зло для него разделены четко: по одну сторону – белизна мела, по другую – чернота угольной пыли. Он злится, когда выясняется, что другие не склонны воспринимать мир столь просто.

А вот с Локи дело обстоит иначе. Да, Дядюшка Лис сохранил ему жизнь, но Ши подозревал, что это было сделано по каким-то подспудным соображениям. Локи наверняка намерен как-то его использовать, и насмешки тут не главное. Острый ум Лиса должен был обратить внимание на странные приспособления, доставленные прямиком из двадцатого столетия, и, скорее всего, искал им применение.

Но почему все эти чудеса техники не работают? Почему Ши не смог прочитать обыкновенный английский текст?

Но английский ли? Ши постарался вообразить собственное имя написанным на бумаге. Это удалось довольно легко. Значит, перемещение в пространстве и времени не превратило его в невежду. Но… это что такое? Он сосредоточился на веренице букв перед мысленным взором и увидел следующее:

---

[17] *Трудванг* (Трудхейм) – усадьба или дворец Тора; «труд» – сила.

[18] Старшая Эдда. Песнь о Гудрун. Перевод А. Корсуна.

[19] Имеется в виду поэма (драпа) об Атли (Атилле) из числа героических песней «Старшей Эдды».

«Гарольд Брайан Ши», – прочитал он, отлично осознавая при этом, что перед ним вовсе не буквы латинского алфавита. Он попытался мысленно написать другое слово – «человек», и значки сложились вот так:

Ерунда какая-то. Слово «человек», как он смутно помнил, не должно состоять из четырех букв.

Постепенно стало понятно, что случилось. Чалмерс был прав, даже более чем прав. Его разум заполнился фундаментальными принципами нового мира. Когда Ши перенесся из своего уютного института на Среднем Западе на глухую пустошь, автоматически произошла смена языков. Без этого, будь сдвиг только частичным, он бы спятил, превратился бы в идиота. Но сдвиг оказался полным. Он говорил на древнем северном языке, общался с северными богами и вкушал древнюю северную стряпню. Неудивительно, что все вокруг его понимают!

Увы, последовала неизбежная расплата: он утратил владение английским. Когда пытался вообразить на письме слово «человек», разум подсовывал четыре руны:

Теперь ему и не представить, как написать это слово иначе. Потому-то и не удалось прочитать ничего из «Настольной книги бойскаута».

Вот и техника, вполне естественно, перестала работать. Он угодил в мир, неподвластный законам физики и химии двадцатого века. Здешняя модель мышления не предполагала ни спичек, ни фонариков, ни нержавеющей стали. Для любого вокруг эти вещи были непостижимыми. Следовательно, они не существовали, сделались занятными безделушками, лишенными практической ценности.

Что ж, сонно подумалось Ши, теперь можно не выделываться перед местными. Он пал настолько низко, что волен впредь творить любые глупости, все равно ничего не изменится. Да и черт с ним…

5

Ши проснулся затемно, дрожа от холода. Температура не опускалась ниже нуля, но задул сильный ветер, а серые холмы затянуло пеленой дождя. Ши зевнул и сел, закутавшись в одеяло, как индеец. Остальные еще спали. Некоторое время он смотрел прямо перед собой, пытаясь восстановить ход ночных мыслей.

Итак, мир, в который он попал – не исключено, что навсегда, – управляется собственными законами. Каковы же они? Единственным доступным инструментом после перемещения оставался разум, сознание современного человека, привычное к обучению и анализу, способное выводить из частного общее. Так что он сумеет, должен суметь, выявить законы этого мира и использовать их – подобное вряд ли придет в голову деревенскому простаку Тьяльви. Пока он смог установить лишь то, что боги наделены сверхъестественной силой. Но должны быть закономерности, регулирующие даже такие…

Храп Тора, затихая, превратился в клекот, а затем рыжебородый протер глаза, сел и сплюнул.

– Подъем, воины асов! – вскричал он. – Харальд Репа, гляжу, ты пробудился? Опять ждет нас холодный лосось, ибо твое огненное волшебство провалилось! – Заметив недовольство Ши, Тор добавил: – Это я не со зла. Мы, асы, добры к смертным. Видывал я людей совсем пропащих, и то они на путь истинный вставали. Мы еще сделаем из тебя человека, отрок. Смотри на меня и повторяй за мной.

Он зевнул и колко ухмыльнулся. Зашевелились прочие. Тьяльви вытащил копченого лосося. Вкусно, спору нет, но третий раз подряд – пожалуй, перебор.

Только начали безрадостно жевать, как неподалеку послышалась тяжелая поступь. Сквозь пелену дождя проглянула серая фигура, от одного вида которой волосы Ши встали дыбом. Фигура напоминала человеческую, но минимум десяти футов в высоту, а массивные ножищи напоминали колонны. Их навестил великан!

Гость остановился и заглянул внутрь укрытия.

Сердце бешено колотилось в груди. Ши прижался к вогнутой стене, нащупывая охотничий нож. На путников глядели с огромной физиономии серые, налитые кровью глаза, щеки великана оторачивала куцая борода серо-стального цвета, а выражение лица не сулило ничего хорошего.

– Ого! – всхрапнул великан, обнажая желтые пеньки гнилых зубов. Его голос был на пару октав ниже самого густого человеческого баса. – Прощения просим. Я тут перчатку потерял, хожу ищу. Едой не поделитесь?

Ши, Тьяльви и Локи, не сговариваясь, повернулись к Тору. Рыжебородый широко расставил ноги и несколько мгновений пристально разглядывал великана, после чего произнес:

– Доброму попутчику всегда рады. Угостим копченым лососем. А что взамен?

– Меня Скрюмиром кличут, приятель. Есть маленько хлебца да сушеное мясо дракона. Слушай, а ты не Тор ли, сын Одина, Метатель Молота?

– Ты близок к истине.

– Это ж… Ну… вообще!.. – Великан скорчил жуткую рожу, призванную, очевидно, изображать дружескую улыбку. Пошарил за спиной, снял с плеч мешок и плюхнулся у входа в укрытие. Ши смог рассмотреть его получше. Вблизи великан производил не менее отвратное впечатление. Длинные седые патлы были забраны в пучок, из которого торчали обглоданные косточки. С ног до головы великан был облачен в меха, а на накидку явно пошла шкура прародителя всех медведей, причем выглядела она по размеру для великанской стати.

Скрюмир достал из мешка ломоть местного хлеба размером с матрас и несколько кусков жесткого серого мяса. Всю эту снедь он кинул путникам.

– Налетай, братаны! – прогремел он. – А где лосось?

Тьяльви молча протянул ему кусок рыбины, и великан шумно взялся за еду. То и дело он пускал слюни, вытирая физиономию тыльной стороной огромной лапы, и весь перемазался жиром.

Ши никак не мог оторвать от жесткого северного хлеба-матраса хоть кусочек, пока не сообразил пустить в ход нож. Мясо дракона оказалось помягче, но его тоже следовало хорошенько прожевать, а челюсти Ши и без того болели от лосося, поглощенного за последние сутки. Вдобавок драконятина резко отдавала чесноком, но запах никого не смущал.

Вдруг Ши заметил вошь величиной с доброго таракана, выползающую из черного меха на обувке Скрюмира. Та поплутала в джунглях шерсти ниже великаньего колена и заползла обратно в обувку. Ши, который как раз жевал, чуть не стошнило. Но после всего пережитого этого зрелища оказалось недостаточно, чтобы отнять у него аппетит. Подумаешь, вошь какая-то.

Локи хитро ухмыльнулся:

– Эй, волосатый, а нет ли в твоем мешке репы?

Скрюмир насупил брови:

– Че? Репы? Не. На кой вам репа-то?

– Наш колдун, – Локи ткнул пальцем в Ши, – ест репу.

– Че-е? Брешешь! – прорычал великан. – Слыхивал я про всяких, кто жрет жуков и коровье молоко хлещет, но вот чтобы репу глодали…

– Так я получаю волшебную силу, – объяснил Ши с довольно кислой улыбкой; надо признать, выкрутился он неплохо.

Скрюмир рыгнул. Это была не обычная отрыжка, а нечто сродни природному катаклизму. Ши старался не дышать, пока воздух не стал чище.

– Это, народ, – рек великан, устраиваясь поудобнее, – чего вас занесло в Йотунхейм?

– Крылатый Тор путешествует, где пожелает, – заметил Локи величественно, но взгляд все же отвел.

– Да ладно, никто не против, я-то подумал, что Тора в ловушку завели Хрунгнир с Гейррёдом[20]. Ух они бы порадовались! Их аж припекает. Он тогда здорово их отколошматил.

– Немногие возликовали бы больше моего, повстречав… – загромыхал было Тор, но Локи вовремя его оборвал:

– Спасибо за предупреждение, любезнейший Скрюмир. Коль хозяева дружелюбны, так и гостевать в радость. Однажды мы отплатим тебе тем же. Лосося еще не хочешь?

– Не-а, я уж слопал, сколько хотел.

Шелковым голоском Дядюшка Лис продолжал:

– Не будет ли дерзостью с нашей стороны поинтересоваться, куда держит путь твое великанство?

– А-а… В Утгард, куда ж еще. Утгарда-Локи[21] задает большой пир для нашего брата.

– Богатым и блистательным будет пиршество.

– Верно подмечено, друг. Все холмовые великаны придут, инеистые и огненные. Отожремся на славу!

– С великим удовольствием поглядели бы на это. Приди мы туда спутниками столь могучего великана, как ты, никто из дружков Хрунгнира или Гейррёда не посмел бы нам напакостить, верно?

---

[20] *Хрунгнир* – в скандинавской мифологии каменный великан-йотун, был убит Тором в поединке; *Гейррёд* – йотун, поймавший Локи в обличье сокола и потребовавший привести к нему Тора, которого он ненавидел всем сердцем; Тор пришел в дом великана и убил его самого и всех его отпрысков.

[21] В скандинавской мифологии *Утгарда-Локи* – великан, правитель Утгарда. В «Младшей Эдде» подробно рассказывается о состязаниях между Тором и великанами в Утгарде.

Скрюмир довольно обнажил гнилые пеньки зубов:

– Эти сопляки-то? Ха! Они пикнуть бы не отважились. – Он задумчиво поковырял двумя пальцами в зубах. – Лады, ступайте со мной. Наш главный Утгарда-Локи – отличный парень, мой друг, так что все схвачено. Вытряхивайтесь из моей перчатки и пошли.

– Что?! – разом воскликнули все четверо.

– Ага, вы дрыхли в моей перчатке!

За этим заявлением скрывалось столько всего пугающего, что четверо путников, в том числе могучий Тор, подхватили свои пожитки и немедленно выбрались из укрытия, выказав необычайное проворство.

* * *

Дождь прекратился. Меж холмов змеились рваные полосы тумана, отливавшие жемчугом среди темно-серых туч. Путники осмотрели свое убежище снаружи. Вне всяких сомнений, это действительно была огромная перчатка.

Скрюмир ухватился за верхний край «входа» левой рукой и сунул внутрь правую. Со своего места Ши не удалось разглядеть, сжалась ли перчатка до подходящего размера или попросту исчезла, а великан подменил ее другой, поменьше. Ровно в этот миг он внезапно ощутил, что промок насквозь.

Обдумывать случившееся времени не было; громогласным рыком Тор потребовал загружать колесницу.

Когда Ши уже сидел, ссутулившись, на сундуке и раскачивался в такт движению повозки, Тьяльви шепнул:

– Так и знал, что Локи обдурит волосатого. Всегда говорю, как приспело смекалку проявить, так без Дядюшки Лиса не обойтись.

Ши молча кивнул и чихнул. Повезет, если он не свалится с сильной простудой, расхаживая в мокрой одежде. А местность вокруг становилась все более дикой и блеклой, чем накануне. Впереди шагал Скрюмир, за спиной которого раскачивался мешок. До колесницы то и дело долетал кислый запах пота.

Одежда промокла. Почему? Дождь уже перестал, когда они выбрались из чудовищной перчатки. Нет, с этой перчаткой явно что-то неладно. Остальные, включая обоих богов, нисколько не смутились ее размерами, значит Скрюмир куда крупнее и могущественнее, чем кажется на первый взгляд. Точно великан, но вряд ли настолько уж он велик. Разумеется, мир, куда занесло Ши, неподвластен привычным законам природы, однако нет весомых оснований считать, что правила иллюзий тоже изменились. Ши достаточно долго занимался психологией, для того чтобы немного разбираться в приемах эстрадных и цирковых иллюзионистов. Остальные же, незнакомые ни с этими трюками, ни с техникой современного мышления, даже не думали критически оценивать увиденное – хотя бы исходя из элементарной логики. Им и в голову не взбрело подвергать сомнению очевидное.

– Знаешь, – прошептал Ши, обращаясь к Тьяльви, – я вот о чем подумал. А вдруг Локи не такой хитрый, а Скрюмир умнее, чем выглядит?

Прислужник богов посмотрел на него озадаченно:

– Странные слова. С чего ты взял?

– Ты же сам говорил, что великаны передерутся с богами, когда начнется последняя битва, так?

– Воистину.

Мира кончину —
Хеймдалль трубит…

Дрогнул Иггдрасиль,
Ясень трепещет,
трещит сердцевина…[22]

Так сказано в «Прорицании вельвы». Это слова пророчицы.

– Тогда почему Скрюмир дружелюбен со своими будущими врагами?

Тьяльви отрывисто хохотнул:

– Плохо ты знаешь Йоку-Тора[23], вот и не понимаешь. Пусть Скрюмир огромен, но на Рыжебородом его пояс силы. Он этого великана пополам согнет – раз, и готово.

Ши вздохнул и попытался продолжить:

– Послушай, разве ты не заметил, что мы все промокли, едва Скрюмир натянул перчатку?

– Ну, было дело.

– Как по мне, не было никакой перчатки. Это иллюзия, волшебство. Нас хотели запугать. На самом деле мы спали под открытым небом и промокли насквозь. Нас околдовали. Мы совершенно не ощущали сырости, пока заклятие не сняли и перчатка не исчезла.

– Возможно. И что же с того?

– Значит, Скрюмир столкнулся с нами неспроста. Все это подстроено.

Тьяльви озадаченно поскреб затылок.

– Сдается мне, друг Харальд, что поддался ты беспочвенным домыслам. – Простак огляделся. – Эх, вот бы Хеймдалль был сейчас с нами! Он-то видит на сотни миль в темноте и слышит, как шерсть растет на спине у барана! Но не ладит Светлейший с Дядюшкой Лисом. Из всех асов один Тор способен терпеть Локи.

Ши зябко передернул плечами.

– Эй, друг Харальд, а не пробежаться ли нам? – внезапно предложил Тьяльви. – Оба и согреемся.

Вскоре выяснилось, что Тьяльви подразумевал не просто неспешный бег трусцой за колесницей.

– Вон до того валуна и обратно к повозке, – сказал юноша. – Готов? Всё, вперед!

Ши, путаясь в мехах, не успел сделать и первый неловкий шаг, а Тьяльви был уже на полпути к валуну. Из-под его ног летели мелкие камешки, накидка реяла за спиной, словно стяг на ветру. Ши не покрыл еще и половины расстояния, когда Тьяльви пронесся обратно, ухмыляясь на бегу. Ши всегда считал себя неплохим бегуном, но разве потягаешься с эдаким человеком-антилопой? Есть ли вообще хоть что-нибудь, в чем он может состязаться с местными?

Тьяльви помог ему взобраться на колесницу.

– А ты справился получше большинства бегунов, друг Харальд, – бодро поведал он с нотками превосходства в голосе. – Я-то думал, что смогу немного тебя удивить, ибо вряд ли ты слыхал, как бегает Тьяльви. Но, – понизил он голос, – с Дядюшкой Лисом ни в какие состязания не ввязывайся, понял? Он обговаривает условия, а потом последнюю шкуру с тебя сдирает. Увидишь еще, погоди.

– Чего он добивается-то, кстати? – спросил Ши. – Хеймдалль намекал, что, когда начнется заваруха, он переметнется на другую сторону.

Тьяльви пожал плечами:

– Хеймдалль – Дитя Гнева, Локи он недолюбливает и судит поспешно. Меня спроси, я скажу, что Локи будет на нашей стороне. Он просто такой… со странностями. Вечно что-то замышляет, хорошее или дурное, и повелевать собой никому не дает. О нем даже стих сложили:

---

[22] Перевод В. Тихомирова.

[23] *Йока-Тор* – букв. «Славный Тор, владыка Тор».

Я все сказал асам,
сказал сынам асов
все, что желал сказать…[24]

Эти слова Тьяльви неплохо дополняли мнение самого Ши о загадочном Дядюшке Лисе. Он не отказался бы потолковать с Тьяльви поподробнее, но неожиданно понял, что владение терминологией – все эти «задержки созревания», «сверх-Я» и «садизм» – ничуть не помогает общению с древними северянами. Доведись ему заняться в этом мире психологической практикой, пришлось бы, наверное, изобретать терминологию заново.

Он снова чихнул. Простудился, так и есть. Нос забился, глаза слезились. Между тем стало холодать. Поднявшийся ледяной ветер не прибавлял хорошего настроения.

Как и в прошлый раз, перекусили на ходу. Когда лужи стали покрываться тонким ледком и под колесами захрустело, Ши принялся дышать на варежки и хлопать себя по бокам, чем привлек внимание Тьяльви.

– Тебе и впрямь холодно, друг Харальд? – сострадательно спросил юноша. – Это еще легкий морозец. Несколько лет зима стояла такая, что разведешь костер перед домом, а пламя замерзает. Я его на куски рубил, до конца зимы топили. Светил тоже знатно, нам бы такой кусок этим утром пригодился. Мой дядька Эйнар продал сколько-то штук под видом янтаря.

Сказано все было с таким серьезным выражением лица, что Ши засомневался в насмешке. В этом мире что-то подобное вполне могло случиться.

Наконец ужасный день подошел к концу. Скрюмир задрал голову и стал озираться, а потом махнул в сторону холмов, где на склоне одного что-то темнело.

– Гляди, братаны, пещера, – сказал он. – Че, заночуем?

Тор осмотрелся:

– Еще не так темно, чтобы привал делать.

Вмешался и Локи:

– Истинно так, Могучий. Однако гложет меня опасение за нашего колдуна, оный промерз до костей. Придется в ветки его совать, не то начнет на кусочки рассыпаться, хи-хи-хи!

– Де беспокойтесь за бедя, – прогнусавил Ши. – Я справлюсь.

Болеть неприятно, однако всяко лучше, чем затаскивать этот чертов сундук вверх по склону.

К нему не прислушались, но и от сундука избавили. Когда колесницу припарковали возле сугроба, Скрюмир схватил неподъемную кладь одной рукой и поволок к пещере.

– Огонь разведешь? – спросил у Скрюмира Тор.

– О чем речь, приятель! – Скрюмир вырвал с корнем парочку низкорослых деревьев, переломил о колено и свалил у входа.

Ши сунул голову в пещеру. Понятно, что кругом камень, больше ничего не видно. Он потянул носом. Вообще-то обоняние уже настолько отбило, что даже вони от Скрюмира он не улавливал. Однако сейчас некий запах пробился даже сквозь насморк. Чертовски знакомый запах… Хлор! Что за…

– Эй! – взревел у него за спиной Скрюмир, и Ши подскочил на добрый фут. – А ну, с дороги!

Ши повиновался. Скрюмир сунул голову внутрь и свистнул. Точнее, свистнул бы, будь он человеком, а в исполнении великана звук больше напоминал сигнал воздушной тревоги.

У входа в пещеру возникло крошечное существо ростом около трех футов и с бородой, из-за которой оно выглядело миниатюрным Санта-Клаусом. На голове островерхий колпак, конец бороды заткнут за пояс.

---

[24] Старшая Эдда. Перебранка Локи. Перевод В. Тихомирова.

– Ты! – рявкнул Скрюмир. – Огонь нужен. Пошевеливайся!

Он показал на груду веток и бревен.

– Слушаюсь, господин, – пискнул карлик. Он засеменил к костру, извлек из-под куртки медный прут. Ши с интересом наблюдал за происходящим, пока Локи не сунул ему за шиворот сосульку. Пока Ши ее вынимал, огонь уже разгорелся под шипение сырого дерева.

Писклявый голосок осведомился:

– Неужто ночевать здесь будете?

– А то! – ответил Скрюмир. – Вали отсюда.

– Тут нельзя…

– Заткнись! – прорычал великан. – Где вздумается, там и дрыхнем, усек?

– Да, господин. Спасибо, господин. Что-нибудь еще, господин?

– Не-не. Все, проваливай, пока я на тебя не наступил.

Гном скрылся в пещере. Путники достали свои пожитки и разложили у костра. Огонь медленно лизал ветки. Заходящее солнце пробилось сквозь тучи и на миг расцветило их багровым полосками. Воображение Ши превращало тучи в апокалипсических чудищ. Откуда-то издалека донесся тоскливый волчий вой.

Тьяльви внезапно вскинул голову и нахмурился:

– Что это за шум?

– О чем ты? – переспросил Тор, потом внезапно вскочил – сидел он спиной к выходу – и резко обернулся. – Эй, Хитрейший! А пещера-то занята!

Бог медленно попятился. Из глубины пещеры донеслось шипение, как из дырявого парового котла, заодно с металлическим скрежетом.

– Дракон! – воскликнул Тьяльви.

Изнутри вырвались клубы желтого дыма, и путники закашлялись. Залязгала чешуя, с треском посыпались камни, а затем из темноты, сверкая отблесками пламени, показалась пара глаз размером с суповые тарелки.

Асы, великан и Тьяльви нечленораздельно завопили, бестолково хватаясь за все, что могло послужить оружием.

– Эй, я возьбу его на себя! – выкрикнул Ши насморочным голосом, разом забыв все свои предыдущие рассуждения. Он выхватил револьвер и, едва огромная змеиная голова показалась в свете костра целиком, прицелился в желтый глаз, после чего нажал на спусковой крючок.

Курок безобидно щелкнул. Ши нажал несколько раз подряд. Щелк – щелк – щелк. Челюсти дракона разверзлись, остро пахнуло хлором.

Гарольд Ши отступил. Над головой у него что-то мелькнуло. Увесистый древесный ствол в руках Скрюмира врезался в голову чудовища.

Глаза дракона закатились, голова повернулась было к великану, но Тор прыгнул на чудище с боевым кличем и нанес правой сокрушительный хук, который повалил бы и Джо Луиса[25]. Захрустели сломанные кости, кулак погрузился прямо в морду рептилии. Завизжав, точно раненая лошадь, дракон скрылся в пещере.

Тьяльви помог Ши подняться на ноги.

– Понял теперь, – спросил он, – почему Скрюмир никогда не полезет на Хозяина козлов? – Тьяльви хихикнул. – А дракону хорошо зубы пересчитали, до весны хватит. Если, конечно, весна наступит до урочного срока.

Из пещеры опять высунулся карлик:

– Скрюмир?

– Че?

---

[25] *Берроу Джозеф Луис* (1914–1981) – американский боксер-тяжеловес, входит в список лучших боксеров всех времен и народов.

– Я же тебя предупредить пытался, мол, огонь пробудит дракона от спячки. А ты не захотел слушать. Самый умный, да? Ух-хи-хи!

Карманный Санта-Клаус обернулся вокруг себя у входа в пещеру, обеими руками сделал великану «козу». Скрюмир подобрал было камень, чтобы запустить в него, но опоздал.

Камень попусту улетел в темноту.

– Не поймать уже паршивца. Все холмы норами изрыли, гады, – угрюмо подытожил великан.

Ужин прошел в молчании, для Ши особенно тягостном: он чувствовал, что остальные им недовольны. Думать надо было, корил он себя.

Золотые слова, следовало их повторять, когда он собирался в эту экспедицию. Приключения! Романтика! Чушь несусветная. Видал он своих «девушек мечты», о которых спорил с Уолтером Байярдом, – в этом поганом болоте они все, можно подумать, занимаются классической борьбой! Будь у него нужная формула, он тут же возвратился бы домой.

Но формулы не было, вот в чем беда. Для него никакой формулы больше не существовало. Не осталось ничего, кроме этого стылого, утонувшего в снегу холма, этого тошнотворного великана, двух асов и их слуги, глядевших на него с презрением. Как ни крути, суетиться бесполезно.

Ладно, Ши, приятель, давай не будем отчаиваться, сказал он себе. Сам вгоняешь себя в меланхолию, а это состояние, по меткому выражению Чалмерса, лишено теоретической и практической ценности. Жаль, что рядом нет старого доброго дока! Как пригодился бы его зрелый интеллект и культурная компания… Разумнее всего перестать тосковать о былом и жить настоящим. Способ Тора решать проблемы не подходит, ему просто-напросто недостает физической силы. Можно тогда попробовать прибиться к Локи с его умным и едким юмором.

Кстати! Он же решил полагаться на разум, исследуя законы этого мира. Законы, которые эти люди из-за особенностей своего мышления не в состоянии постичь…

Ши повернулся к спутникам и спросил:

– Карлик ведь сказал, что дракона разбудил огонь?

– Ага. – Скрюмир зевнул. – И что с того, сопливый?

– Костер еще горит. А что, если этот дракон или какой другой заползет сюда ночью?

– Вот и сожрет тебя. Так тебе и надо! – Великан хекнул.

– Трепач наш дело говорит, – возразил Локи. – Лучше бы передвинуть лагерь.

Оттенок презрения в голосе бога заставил Ши зажмуриться, однако он продолжал:

– Нам вовсе не обязательно уходить отсюда, правда же? Снаружи холодно и будет еще холоднее. Давайте наберем снега и навалим в пещеру. Вряд ли дракон пролезет.

Локи хлопнул себя по колену:

– Неплохо сказано, человек-репа! Вот вы с Тьяльви и займитесь. А ты не так уж и бесполезен. Успел умишка набраться, покуда возле нас терся. Кому бы на ум взбрело останавливать дракона снегом?

Тор фыркнул.

6

Когда Ши проснулся, насморк никуда не делся, но вот голова уже не была такой тяжелой. Может, хлорный газ подействовал – надышался вчера или просто сказалось его твердое решение принимать окружающее как есть и стараться извлекать пользу отовсюду.

После завтрака путь продолжился. Скрюмир топал впереди. Небо приобрело оттенок старого свинца. Резкие порывы ветра заставляли вздрагивать ветви низкорослых деревьев и поднимали временами вихри снежинок. Козлы скользили копытами на замерзших лужах, но упорно двигались в гору. Куда ни посмотри, вокруг возвышались холмы, а растительность, в основном сосны и ели, становилась более густой.

Приблизительно около полудня – о точном времени оставалось лишь догадываться – Скрюмир обернулся и махнул рукой в сторону самой высокой горы, какую он видели до сих пор. Ветер унес слова великана, но Тор, похоже, его понял. Козлы ускорили шаг в направлении этой махины, верхушка которой скрывалась в облаках.

Подъем отнял не меньше часа, а затем Ши начал различать на голой вершине нечто, непрерывно мерцающее в клочьях тумана. Когда колесница приблизилась достаточно близко, стало понятно, что вершину горы венчает строение, похожее на жилище Сверре. Разве что этот дом выглядел грубее, был сложен из нетесаных бревен, а величиной мог потягаться с железнодорожным вокзалом.

Тьяльви пробормотал на ухо Ши:

– Вот и замок Утгарда. Мужайся, друг Харальд, иначе пропадешь.

Зубы юноши громко стучали – причем явно не от холода.

Скрюмир встал у двери громадного дома и двинул по ней кулаком. Ждать отклика пришлось долго, ежась от ветра, трепавшего меховые одежды. Наконец приоткрылся прямоугольный глазок, а потом и сама дверь распахнулась. Путники слезли с колесницы и, разминая затекшие конечности, зашагали за великаном. Дверь с грохотом захлопнулась. Они очутились в темной передней, как и в доме Сверре, только куда просторнее и насквозь провонявшей немытыми великанами. Здоровенная ручища отодвинула шкуру с треугольного прохода, и взорам предстали огромные громогласные существа, топтавшиеся вблизи ревущего желтого пламени.

– Гляди в оба, Харальд, – прошептал Тьяльви. – Как говорит Тьодольв из Хвинира[26]:

К саг творцам на встречу
волк жены явился
с шумом в первобытном
облике орлином[27].

Внутри дом оказался захламленной пародией на жилище Сверре – те же очертания, те же скамьи, столы все как один кривые, липкие и загаженные объедками. От очага посредине столб дыма поднимался к стропилам. Пол по щиколотку устилала грязная солома.

На скамьях и в проходах между ними теснились великаны. Они пили, жрали и орали во все свои великаньи глотки. Прямо перед путниками пировали шестеро – с такими же серебристыми пучками волос и клочкастыми бороденками, как у Скрюмира. Один гневно взмахнул рукой, задел локтем чашу с медовухой, поднесенную каким-то изможденным типом – должно быть, рабом, или, как говорили на севере, тралем. Мед выплеснулся и забрызгал другого великана, который немедля схватил со стола блюдо с похлебкой и обрушил на голову раба.

---

[26] *Тьодольв из Хвинира* – норвежский королевский скальд, автор «Перечня Инглингов» и ряда стихотворений.

[27] Драпа «Длиною в осень». Перевод Э. Тьорвассона (псевдоним).

Траль жалобно вскрикнул и рухнул на пол. Скрюмир преспокойно отпихнул его ногой, расчищая дорогу. Шестеро великанов разразились булькающим смехом, раскачиваясь на скамье и хлопая друг друга по спинам. Недавняя распря была забыта.

– Здоров, Скридбалднир![28] – Скрюмир схватил одного из великанов за лапищу. – Как делишки? Гляди-кось, кого приволок! Вон тот – Аса-Тор!

Скридбалднир развернулся. А он постройнее Скрюмира будет, отметил Ши, волосы словно пеплом посыпали, глаза красные, как у альбиноса, а нос длинный и тоже красный, весь в прожилках.

– Инеистый великан, – шепнул Тьяльви. – А вон та свора – огненные…

Дрогнувшей рукой он указал по другую сторону стола, где шумно лаялись между собой личности, похожие на громадных горилл, только чуть худоватых. Ростом они уступали прочим великанам – в каждом было не более восьми футов. Челюсти у них заметно выдавались вперед, а из-под одежды вылезал жесткий черный волос. Еще они непрерывно чесались.

Ближе к центру зала восседал на троне, украшенном резными подлокотниками и ножками из сплетающихся змей, самый крупный великан, по виду – из холмовых. Кости в его волосах заканчивались грубыми золотыми шишками. Из-под верхней губы высовывался на несколько дюймов могучий клык.

Этот великан покосился на Скрюмира и прорычал:

– Здорово, приятель! Гляжу, детишек каких-то притащил на пир? Это ты зря, научатся плохим словам…

– Да не детишки они, – возразил Скрюмир. – Двое людей и парочка асов. Я им разрешил. Ничего, старшой?

Утгарда-Локи поковырял в носу и вытер пальцы о грязную кожаную куртку.

– Пусть их. Вон тот, с рыжими усишками, не Аса ли Тор?

– Ты не ошибся, – молвил Тор.

– Ага, ага, ври больше. Тор – парень крепкий и рослый, не какая-то мелочь, это все знают.

Тор нахмурился и выпятил грудь.

– Не шути с асами, великан.

– Хо-хо, уж напугал так напугал, малыш! – Утгарда-Локи выловил из левой брови мелкую ползучую тварь и прищелкнул ее зубами.

– Все взаимосвязано, – промурлыкал Локи на ухо Ши. – Они живут на нем, а он их лопает…

– Чего надобно? – зловеще пророкотал Утгарда-Локи. – У нас тут все прилично, неприятности мне ни к чему!

– Пришел я за своим молотом Мьёлльниром, – ответил Тор.

– Че? Откуда ему тут взяться?

– Не спрашивай у дерева, откуда оно растет. Не вопрошай богов, откуда их мудрость. Сам отдашь или будем драться?

– Бука ты, Йока-Тор. Отдал бы я тебе твою колотушку, если б знал, где она.

– Колотушку?! Да как ты…

– Спокойно, – донесся до Ши шепот Локи. – Сын Одина, с сильными будь сильным, но лживым с лжецами. – Он повернулся к Утгарда-Локи и насмешливо поклонился: – Предводитель великанов, мы благодарны за твою любезность и не задержимся надолго. Мы внемлем твоим словам, повелитель, и мнится мне, что Мьёлльнира здесь нет?

– И не было, в том поручиться готов, – с запинкой отозвался Утгарда-Локи, сплевывая на пол и растирая плевок босой пяткой.

---

[28] *Скридбалднир* – так авторы переиначили название парусника, принадлежавшего северному богу Фрейру. Парусник назывался «Скидбладнир» – букв. «Собранный из дощечек».

– Может, его принесли сюда без твоего ведома?

Утгарда-Локи пожал плечами:

– Коли так, шельма, то откуда мне знать? Кстати, что-то смелые вы больно в своих речах!

– Значит, ты не будешь возражать против обыска?

– Че? Еще как буду! Это моя лежка, не хватало мне, чтобы по ней всякие чужие морды шарились!

Локи обворожительно улыбнулся:

– Величайший из йотунов, твое возражение поистине достойно того, кто знает себе цену. Но боги никогда, видишь ли, не болтают попусту. Мы полагаем, что Мьёлльнир тут, и пришли просить с миром. Ведь с нами нет ни Одина с его копьем, ни Хеймдалля с его великим мечом, ни Улля с его смертоносным луком. Позволь же нам поискать молот, не то мы вернемся все вместе и попотчуем тебя так, что не скоро ты наше угощение забудешь. Если не найдем молот, то мирно уйдем, таково мое слово.

– И мое! – рыкнул Тор, сдвинув брови.

Стоявший позади асов Тьяльви побелел, как снятое молоко, и Ши немного удивился – ему-то самому было ни капельки не страшно. Скорее всего, он просто недооценивал угрозу.

Утгарда-Локи почесался и задумчиво пошевелил губами.

– Вот что, – произнес он наконец, – вы, асы, бают, не прочь поспорить, верно?

– Не подлежит отрицанию, – ответил Локи настороженно, – состязания любы асам.

– Тогда поспорим. Вы из себя крепышей корчите, но среди нас тоже найдутся ребята не промах. Устроим состязание. Коли возьмете верх хотя бы в одном споре, то шарьте на здоровье. Коли проиграете, духу вашего тут не будет.

– В чем состязаемся?

– Да в чем угодно, малец!

Тор как будто задумался.

– Бороться мне доводилось, – промолвил он, – и слава моя велика.

– Лады, – одобрил Утгарда-Локи. – Уж найдем мы того, кто намнет тебе бока. Чего еще умеете?

– Я мог бы поспорить с любым из вас в поглощении еды на скорость, – предложил Локи, – а наш человек Тьяльви может состязаться в беге. Аса-Тор же готов проверить свою силу.

– Годится! Как по мне, все это детские забавы, но моим ребяткам будет приятно поглядеть, как вас нахлобучат. Эй! Волоките сюда Элли, один хиляк желает помахать кулаками!

Поднялась суматоха, под истошные вопли возле очага расчистили место для поединка. Тор упер кулаки в бедра, поджидая великаньего бойца. Но вперед вышел вовсе не великан, а высоченная старуха лет ста на вид, сутулая и тощая, мешок с костями, кожа у нее была чуть ли не прозрачная и вся в морщинах, как полотно напильника.

– Это что за шутка, Утгарда-Локи?! – вскричал Тор. – Никто не упрекнет Аса-Тора в поединках с женщинами!

– Не бузи, малыш. Ей самой нравится, правда, Элли?

Старуха оскалила голые десны.

– Верно, – прошамкала она, – многих я поборола на своем веку, хе-хе-хе…

– Но… – не желал угомониться Тор.

– Чего, боишься за свою славу?

– Не бывало такого, чтобы Тор боялся! Мне ли страшиться великаньей родни? – напыщенно произнес Тор.

– Так, слушайте правила. – Утгарда-Локи положил ладони на плечи соперников и стал им что-то объяснять.

Ши почувствовал, как кто-то ущипнул его за руку, и, обернувшись, уставился в яркие глаза Локи.

– Творится здесь великое и злое волшебство, – прошептал Дядюшка Лис. – Чую, норовят нас обмишулить, ибо не слыхивал я о подобной борьбе. Может статься, что чары здешние, конечно, лишь богам опасны, а людские глаза мороками не обмануть. В общем, есть у меня одно полезное заклинание. Думаю, стоит тебе им воспользоваться.

Он вручил Ши кусочек очень тонкого пергамента, испещренный вязью рунического письма.

– Читай сначала вперед, потом назад, глядя на тот предмет, что покажется тебе мороком. Вдруг и молот искомый углядишь.

– Разве великаны не спрятали его, господин?

– Нет. Слишком они хвастливы и тщеславны, поэтому…

– Эгей! – воззвал Утгарда-Локи громовым голосом. – Начали!

Тор с львиным рыком стиснул Элли так, словно жаждал размазать ее по полу, но та как будто приросла к своему месту. Хилое тело даже не пошатнулось. Тор умолк и взялся выкручивать ей руки. Лицо его побагровело от усилий, а великаны вокруг одобрительно заворчали.

Ши бросил взгляд на заклинание, полученное от Локи. Слова на нем вполне прочитывались, но в них не было ни малейшего смысла: «Нюи – Ниди – Нордри – Судри – Аустри – Вестри – Алтьов – Двалин». Он послушно прочитал текст в обоих направлениях и посмотрел на висевшую на стене дубинку. Та ничуть не изменилась. Тогда Ши перевел взор на очаг, возле которого Тор кряхтел от усилий, блестя потным лбом.

– Ведьма! – выкрикнул ас, выгибая руку старухи. Элли же захватила ему шею свободной рукой, и после недолгой возни Тор поскользнулся и припал на одно колено.

– Хватит! – гаркнул Утгарда-Локи, вставая между борцами. – Ты упал, Элли победила. Повезло тебе, что не схватился с кем-нибудь из вон тех ребят покрепче, а, Тор, старина?

В довольном гоготе великанов ворчание Тора было не расслышать. Утгарда-Локи продолжал:

– Ладно, отошли все! Назад, кому говорю! Не то щаз кому-то кровавого орла[29] вырежу! Теперь жрать будем. Тащите Логи! У нас есть чем его подкормить.

Сквозь толпу протиснулся огненный великан. Его черные волосы отливали рыжиной, а движения были стремительными и ловкими, как у животного.

– Что, пора обедать? – просипел он. – Три лося на завтрак меня только раздразнили.

Утгарда-Локи дал необходимые пояснения и назвал его соперника.

– Наше вам, – поздоровался Логи, – всегда приятно встретить того, кто ценит добрую еду. Приезжай как-нибудь в Муспелльсхейм, у нас один повар знает, как правильно кита готовить. Жарит на угольях, поливает медвежьим жиром…

– Уймись, Логи, – оборвал его Утгарда-Локи. – А то потом и этот малый начнет трепаться про жратву, так и будете языками чесать без срока.

Столпившиеся великаны оттерли Ши назад. Затем толпа колыхнулась снова – Ши оказался дальше прежнего, – и великаны расступились, пропуская озабоченных рабов. Те притащили два огромных деревянных блюда с лосиными ляжками, зажаренными целиком. Ши приподнялся на цыпочки над чьим-то могучим плечом и увидел, что Утгарда-Локи занял место в середине длинного стола, а на торцах его уселись соперники.

Вдруг чье-то плечо полностью заслонило ему происходящее. Ши повернулся: рядом стоял великан сравнительно небольшого роста, брюхо у него выпирало, словно восполняя недостаток стати. Голову украшала неприглаженная копна черных и белых волос. Но Ши поразило другое: когда великан встал боком к нему и лицом к едокам, выяснилось, что под пегими волосьями прячутся ярко-синие глаза.

---

[29] *Кровавый орел* – пытка и казнь времен викингов: жертве вскрывали спину и бока и вытаскивали наружу ребра.

Что-то тут было не так. У огненных великанов, насколько успел разглядеть Ши, глаза были черными, у холмовых – серыми или черными, а у инеистых – красноватыми. Разумеется, в жилах этого великана вполне могла течь примесь чужой крови, но до чего же знакомым кажется изгиб длинного и вздернутого носа, да и копна волос какая-то ненатуральная. Хеймдалль!

Ши зашептал, прикрывая рот рукой:

– Сколько матерей у тебя, Великан-со-стогом-на-голове?

Он услышал тихое хихиканье и ответ:

– Трижды по три, человек из неведомых краев! Нечего так орать. Я слышу даже легчайший шепот и движение твоих мыслей.

– По-моему, нас обманывают, – сообщил Ши. На сей раз он даже не шептал, а просто думал, едва шевеля губами.

Ответ последовал незамедлительно:

– Этого следовало ожидать, иначе бы я не пришел. Но природа заклинания мне пока не открылась.

– Меня тут нау… – Ши вспомнил, что совсем недавно Хеймдалль ругался с Локи. Пожалуй, не стоит произносить имя Дядюшки Лиса. – …научили одному заклинанию, вроде оно должно помочь.

– Тогда действуй, – велел Хеймдалль, – пока состязание длится.

– Ну что, оба готовы? – рявкнул Утгарда-Локи. – Вперед!

Великаны дружно завопили, а Ши, устремив взор на Локи, принялся повторять: «Нюи – Нидри – Нордри – Судри…» Между тем бог хитрости подскакивал на широченной скамье и вгрызался зубами в лосиную ляжку. Мясо исчезало в его глотке со скоростью двух кусков в секунду – каждый размером с добрый кулак. Ши в жизни не видел ничего подобного. Неужто не лопнет? Тут за гулкими возгласами великанов послышался голос Тьяльви: «Держись, сын Лаувей!»

Кость величиной с бейсбольную биту Локи обглодал в единый миг, бросил ее на блюдо и, отдуваясь, откинулся назад. По толпе великанов пробежал ропот. На глазах Ши Локи вновь подался к столу, надувая щеки, однако тут Утгарда-Локи подошел к противоположному концу стола и прогремел:

– Победил Логи!

Ши было уставился на другого едока, но в это мгновение кто-то из великанов задел его локтем по голове, да так сильно, что глаза наполнились слезами. На долю секунды почудилось, будто вместо Логи на противоположном торце стола бьется пламя. Ши моргнул, слеза пропала, и удивительное видение сгинуло.

Довольный Логи ухмылялся, а Локи требовал справедливости:

– Он съел не быстрее моего!

– Верно, малыш, но он сожрал кость и само блюдо. Так что Логи победил! – отозвался Утгарда-Локи.

– Хеймдалль! – Ши позвал так громко, что едва не удостоился оплеухи от аса. К счастью для него, великаны ревели громче. – Нас дурят! Логи – это огонь!

– Что ж, верь своим глазам, колдун, который не колдун! Предупреди Аса-Тора и повторяй заклинание, куда бы ты ни смотрел. Необходимо отыскать молот. Все эти мороки означают, что срок ближе, чем мы думаем, и великанам совсем не хочется узреть молот в руках Рыжебородого. Ступай!

Утгарда-Локи, присев на край стола, за которым состязались едоки, распорядился очистить часть залы.

– Дальше у нас бег! – изрек он. – Эй, креветка, – он ткнул пальцем в Тьяльви, – будешь состязаться с моим сыном Хуги. Где этот полоумный юнец? Ху-у-ги!

– Здеся я, папа.

Долговязый великан-подросток змеем пролез сквозь толпу. Низколобый, со скошенным подбородком, он будто хвастался множеством прыщей размером с фишку для покера.

– Хочешь, чтобы я с этим гонялся? Хи-хи-хи…

По подбородку Хуги потекла слюна.

Ши, увертываясь и извиваясь, протиснулся в первый ряд, к Тору, который хмуро и сосредоточенно наблюдал за приготовлениями. Тьяльви и слюнявый Хуги встали у стены.

– Пошли! – крикнул Утгарда-Локи, и они понеслись к противоположной стене, до которой было добрых три сотни ярдов. Тьяльви бежал, как ветер, но Хуги мчался пулей. Когда Тьяльви достиг дальнего конца, его соперник был уже на полпути назад.

– Первый забег выиграл Хуги! – объявил Утгарда-Локи, перекрывая всеобщий гвалт. – Победить нужно в двух из трех.

Бегуны переводили дух, и когда толпа немного рассеялась, Ши наконец-то пробился к Тору и Локи.

– Здрав будь, Харальд Репа, – проворчал Рыжебородый. – Где был?

– Вестимо, прятался под столом, как мышка, – съязвил Локи, но Ши даже не стал возмущаться и поспешил поделиться дурными вестями.

– Вас… нас пытаются обмануть! – выпалил он. – Все это – сплошной морок.

Губы Тора искривились.

– Твой колдун вещает, как провидец, – сердито проворчал он, обращаясь к Локи.

– Да я правду говорю! – Как раз в этот момент к началу второго забега прошел Хуги, освещенный пламенем громадного очага. – Глядите! Их бегун не отбрасывает тени!

Тор присмотрелся, сделал какой-то вывод и стал медленно багроветь. Тут Утгарда-Локи вновь подал сигнал, и начался второй забег, который в точности повторил предыдущий. Перекрикивая восторженный рев, Утгарда-Локи снова назвал победителем Хуги.

– Надо оторвать от пола эту драную кошку, – буркнул Тор. – Если они и вправду мухлюют…

– Не так громко, – прошептал Локи. – Будем действовать осторожно. Тор, ступай, тащи эту кошку как ни в чем не бывало. Наш Харальд лишь наполовину подвластен их волшебству, ибо он смертный и ничего не боится. Пусть ищет Мьёлльнир! Отрок, в тебе наша надежда и опора. Используй мое заклинание.

Появление кота сопровождалось новыми воплями. Огромная серая зверюга нисколько не уступала величиной пуме, но ничуть не казалась неподъемной для могучего Тора. Котяра подозрительно покосился на Тора и зашипел.

– А ну, цыц! – рявкнул Утгарда-Локи. – Ишь, разошелся!

Кот присмирел и даже позволил Тору почесать себе за ухом, хотя особого удовольствия не выказал.

Как удалось распознать морок с едой, ломал голову Ши. Конечно, слеза в глазу! Надо выдавить еще одну… Стукнуться, что ли, обо что-нибудь? Он зажмурился, потом снова открыл глаза и посмотрел на Тора – тот как раз просунул руку коту под живот и потянул. Ни слезинки. Кошачий живот между тем заметно вдавился, но все четыре лапы твердо стояли на полу.

Как же вызвать слезу? На столе стояла чаша с медовухой. Ши окунул в нее палец, затем потер глаз. Сразу защипало, Тор громко хрипел, великаны орали и улюлюкали. Ши потряс головой и сквозь пелену слез в глазах забормотал: «Судри – Нордри – Ниди – Нюи…» Тор поднимал не кота, а змею, толстую, как бочонок. Не было видно ни головы, ни хвоста, только часть змеиного тела, которое высовывалось из одной двери и исчезало в другой.

– Локи! – прошептал Ши. – Это не кот. Тор поднимает гигантскую змею.

– С диковинным черноватым отливом поверх чешуи?

– Угу. Ни головы, ни хвоста не видать.

– Зорок твой глаз, Поедатель Репы! Это Змей Мидгарда, он опоясывает Землю. Нас окружает зло. Поспеши, найди молот, иначе мы обречены!

* * *

Ши отвернулся от схватки, отчаянно пытаясь сосредоточиться. Изучил ближайший предмет, череп зубра на колонне, снова капнул в глаз медовухи и повторил заклинание – с первого слова до последнего, с последнего до первого, и опять наоборот. Никакого результата. Череп оставался черепом. Тор пыхтел и кряхтел. Ши взглянул на нож, свисавший с пояса одного из великанов. Нож как нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.